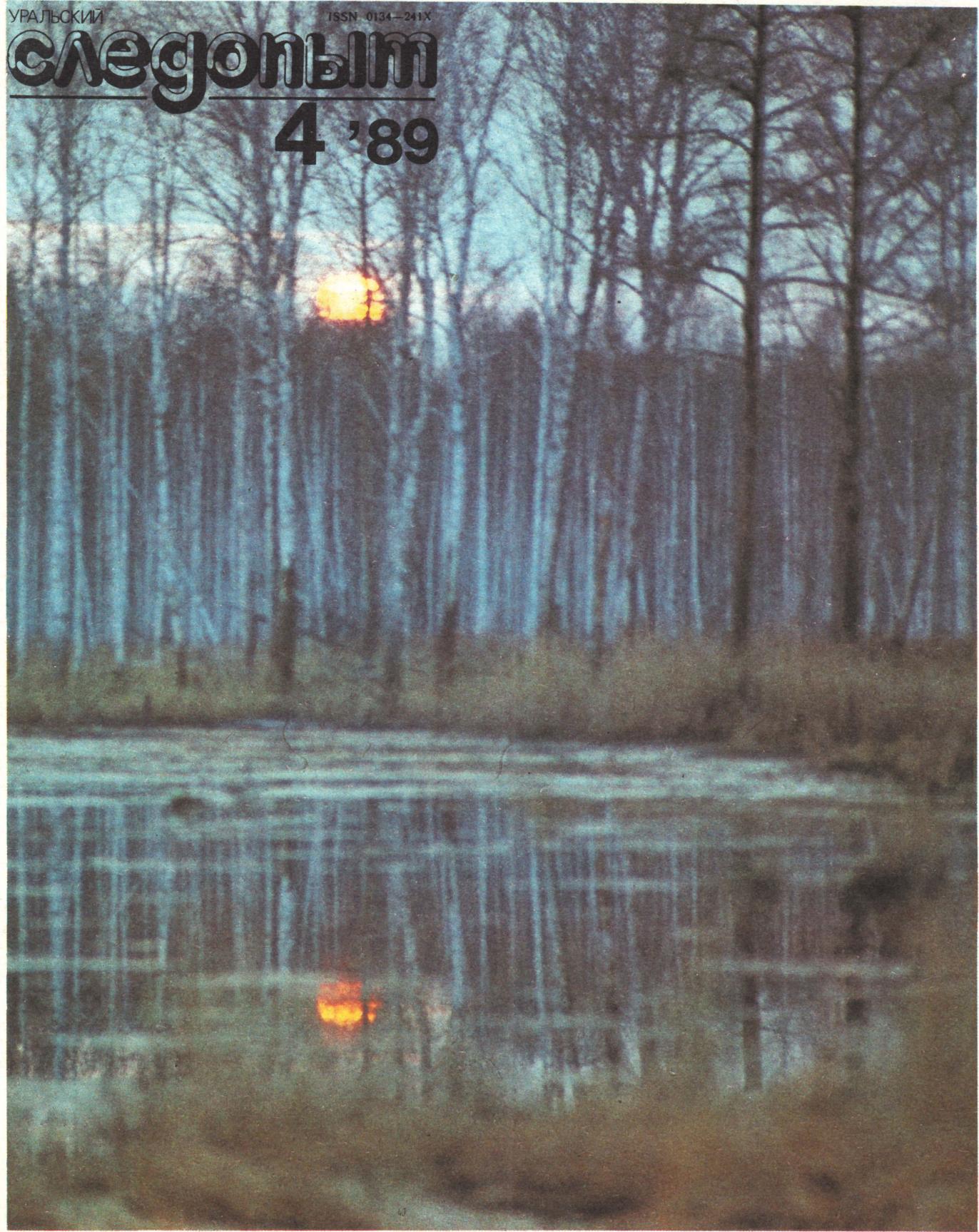

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

следопыт

4 '89

000 251-6

В ЛАПАХ ЗОНЫ
«Пыжник на обочине». А. Стругацкий, Б. Стругацкий

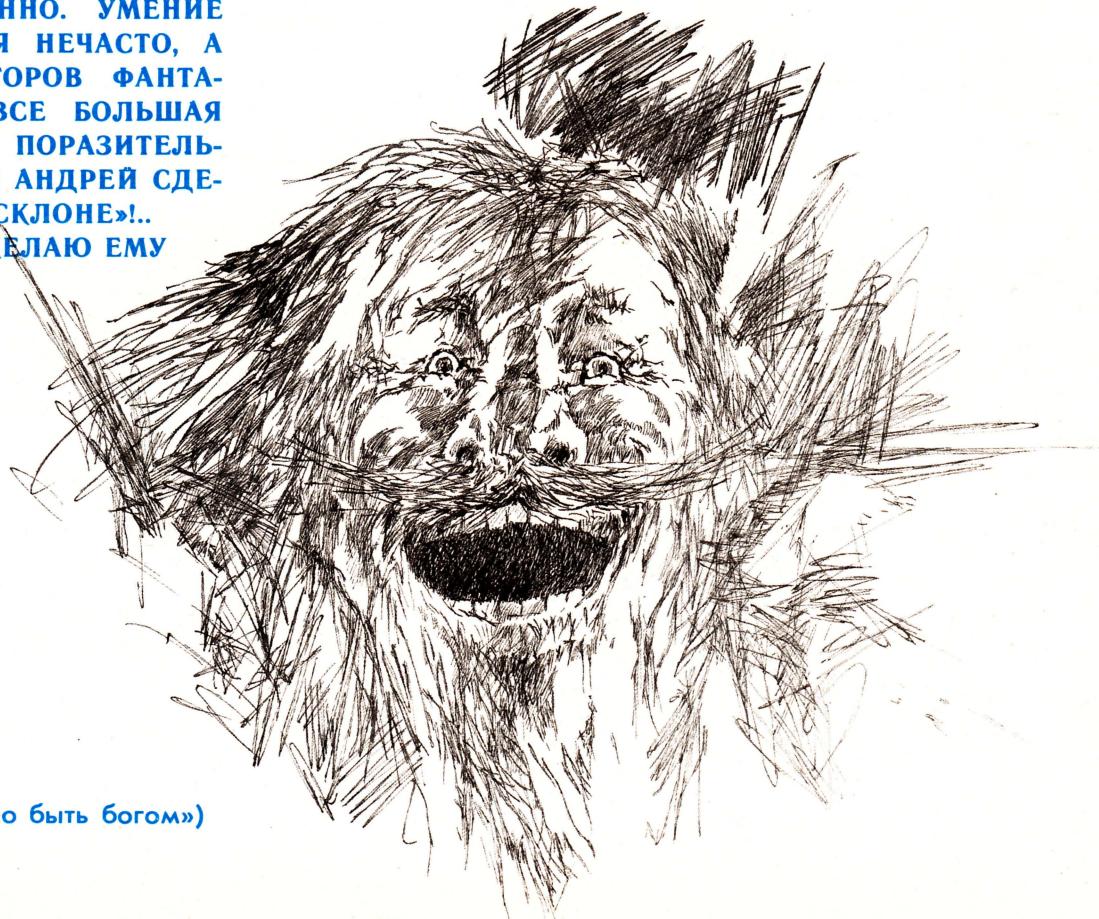

«ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ». А. Стругацкий, Б. Стругацкий

НА МОЙ ВЗГЛЯД, АНДРЕЙ ҚАРА-
ПЕЯН — ИЛЛЮСТРАТОР ПРИРОДЕННЫЙ. ЕМУ ОТ БОГА ДАНО УМЕ-
НИЕ КАКИМ-ТО ВОЛШЕБНЫМ ОБРА-
ЗОМ УВИДЕТЬ МИР, СОЗДАННЫЙ
ПИСАТЕЛЕМ, И ПОТОМ ПЕРЕНЕСТИ
ЭТОТ МИР НА БУМАГУ ТАК, ЧТОБЫ
ОН БЫЛ И УЗНАВАЕМ, И СВОЕОБ-
РАЗЕН ОДНОВРЕМЕННО. УМЕНИЕ
ТАКОЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ НЕЧАСТО, А
СРЕДИ ИЛЛЮСТРАТОРОВ ФАНТА-
СТИКИ ОНО И ВОВСЕ БОЛЬШАЯ
РЕДКОСТЬ. А КАКИЕ ПОРАЗИТЕЛЬ-
НЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ АНДРЕЙ СДЕ-
ЛАЛ К «УЛИТКЕ НА СКЛОНЕ!..

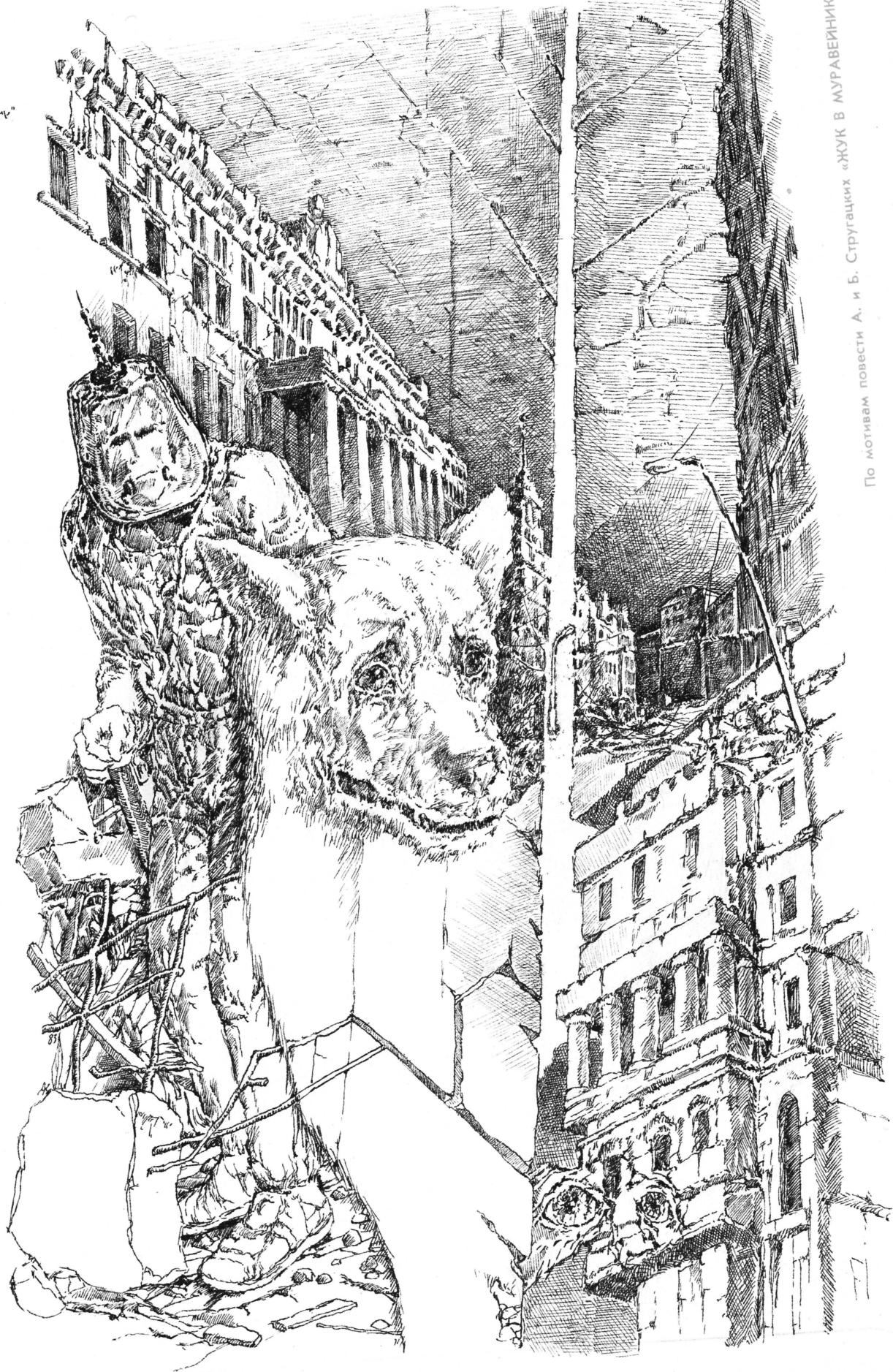
ОТ ВСЕЙ ДУШИ ЖЕЛАЮ ЕМУ
УСПЕХОВ!

БОРИС
СТРУГАЦКИЙ

БАРОН ПАМПА («Трудно быть богом»)

А. Стругацкий
Б. Стругацкий
Хук в муравейнике
Операция „Мергивын Ич“

По мотивам повести А. и Б. Стругацких «Жук в муравейнике»

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ, БОРИС СТРУГАЦКИЙ

СЦЕНАРИЙ
ТРЕХСЕРИЙНОГО
ФИЛЬМА

ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ

Чужая планета среди звезд: огромный пятнистый красно-оранжевый серп, неподалеку — два серпа поменьше, луны этой планеты.

Серп стремительно надвигается, тьма застилает экран, и одновременно — механический, прерываемый помехами голос начинает монотонно читать текст радиограммы.

ПЛАНЕТА САРАКШ БАЗА ПРОГРЕССОРОВ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС» ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ ВЧЕРА ВЫЕЗДНОЙ ВРАЧ БАЗЫ ТРИСТАН ГУТЕНФЕЛЬД ВЫЛЕТЕЛ НА СВОЕМ БОТЕ ДЛЯ РЕГУЛЯРНОГО МЕДИЦИНСКОГО ОСМОТРА ЛЬВА АБАЛКИНА ДЕЙСТВУЮЩЕГО В РОЛИ ШИФРОВАЛЬЩИКА АДМИРАЛТЕЙСТВА ОСТРОВНОЙ ИМПЕРИИ К НАЗНАЧЕННОМУ ВРЕМЕНИ НЕ ВЕРНУЛСЯ НА СВЯЗЬ НЕ ВЫХОДИЛ О ПРИБЫТИИ НА ТОЧКУ РАНДЕВУ НЕ ДОКЛАДЫВАЛ...

Ночь, проливной дождь. Панически мечутся лучи прожекторов, отвратительно воет тревожная сирена. Вспышки выстрелов, треск автоматных очередей.

Грубо клепанный железный борт какого-то сооружения. Распахивается люк, из него высакивает рослый человек в пятнистом комбинезоне, простоволосый, оскаленный от напряжения и ненависти. На плече у него висит безжизненное тело, облаченное в обтягивающий блестящий черный костюм.

Человек в комбинезоне огромными скачками несется сквозь дождь, тьму и прожекторные сполохи. Под ногами у него бетонные плиты, просшие на стыках мелкой травкой, вокруг угадываются безобразные военные сооружения — капониры, поворачивающиеся уши локаторов, сторожевые башни, с которых вспыхивают прожектора и выстрелы.

Человек в комбинезоне бежит к громадному грузовику с трейлером. На трейлере громоздится непривычного вида летательный аппарат, похожий на большое яйцо тупым концом вниз. Около трейлера — несколько охранников в мокрых плащах с капюшонами. Они стреляют из автоматов навстречу бегущему, но попасть в него невозможно: он передвигается с невероятной скоростью непредсказуемыми зигзагами, временами исчезая напрочь и вновь появляясь там, где никто не ожидал его увидеть.

Он набегает на охранников — неожиданно сбоку. Плотные мужики в плащах катятся по бетону, как пластмассовые кегли. Высоко в воздух взлетает, болтая оборванным ремнем, выбитый из рук автомат.

А человек в комбинезоне уже на трейлере. Он пытается раскрыть дверцу яйцеобразного аппарата. Дверца не открывается. Пули с визгом отлетают от матовой брони. Человек в комбинезоне хватает вялую руку мертвеца и прижимает мертвую ладонь к отпечатку пятерни рядом с дверцей, и тогда дверца распахивается.

Яйцеобразный аппарат абсолютно беззвучно

взмывает в мокрую тьму, сопровождаемый лучами прожекторов и трассами автоматных очередей.

...СЕГОДНЯ НА ЕГО БОТЕ НА БАЗУ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС» ПРИБЫЛ ЛЕВ АБАЛКИН ПО ЕГО СЛОВАМ ТРИСТАН ГУТЕНФЕЛЬД ПРИ НЕИЗВЕСТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ БЫЛ СХВАЧЕН И УБИТ КОНТРАЗВЕДКОЙ ИМПЕРСКОГО АДМИРАЛТЕЙСТВА СПАСАЯ ТЕЛО ГУТЕНФЕЛЬДА ЛЕВ АБАЛКИН БЫЛ ВЫНУЖДЕН РАСКРЫТЬ СЕБЯ ПРИ ПРОРЫВЕ ФИЗИЧЕСКИ НЕ ПОСТРАДАЛ ОДНАКО НАХОДИТСЯ НА ГРАНИ ПСИХИЧЕСКОГО СПАЗМА ПО ЕГО НАСТОЯТЕЛЬНОЙ ПРОСЬБЕ НАПРАВЛЯЕТСЯ НА ЗЕМЛЮ РЕЙСОВЫМ ШЕСТЬСОТ ОДИННАДЦАТЬ...

Полюс чужой планеты. Ночь. Снежное безмолвие. Стремительно несется по экрану очертания торосов, снежных дюн, ледяного крошка.

И вдруг небольшой город встает из снегов. Светятся круглые окна приземистых зданий, отсвечивает матовая броня яйцеобразных аппаратов, рядами стоящих на площади перед главным зданием. В отдалении — странные очертания массивных конусообразных сооружений. Это космические корабли. Они кажутся мохнатыми живыми существами. Они словно покрыты длинной черной шерстью, и по этой шерсти пульсациями идут волны — от вершины конуса к основанию.

Яйцеобразный аппарат садится перед главным входом, человек в комбинезоне с мертвым черным телом на руках тяжело спрыгивает в снег. Он входит в здание, навстречу ему из света бегут люди в легких ярких костюмах.

...ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ТЕЛА ТРИСТАНА ГУТЕНФЕЛЬДА ПОКАЗАЛО ЧТО СМЕРТЬ НАСТУПИЛА В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕОБРАТИМОГО РАЗРУШЕНИЯ КОРЫ ГОЛОВНОГО МОЗГА ВЫЗВАННОГО ВОЗДЕЙСТВИЕМ НЕИЗВЕСТНОГО ТОКСИНА ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ НЕСОМНЕННЫМ ЧТО ПЕРЕД СМЕРТЬЮ ТРИСТАН ГУТЕНФЕЛЬД БЫЛ ПОДВЕРГНУТ ЖЕСТОКИМ ПЫТКАМ...

Один из псевдоживых конусов-звездолетов наливается вдруг красным светом, беззвучно поднимается над снежным полем, делается оранжевым, желтым... проходит через все цвета спектра до фиолетового, становится прозрачным — серп местной луны просвечивает сквозь него — и исчезает вовсе.

Голос Максима Каммерера:

— Экселенц вызвал меня к себе в полдень. Это был неожиданный вызов, и я сразу понял, что это неспроста. Он был озабочен и недоволен. Что-то произошло. Что-то чрезвычайное...

Максим вошел в кабинет Экселенца, и Экселенц, не поднимая на него глаз, неприветливо произнес:

— Садись.

Максим сел в кресло у стола напротив него.

— Надо найти одного человека,— сказал Экселенц и замолчал. Надолго. Максим подождал, потом спросил:

— Кого именно?

— Его зовут Лев Вячеславович Абалкин. Он прогрессор. Отбыл позавчера на Землю с полярной базы Саракша. На Земле не зарегистрировался. Надо его найти.

Он опять замолчал. Поднял, наконец, глаза. Уставился на Максима.

— Есть основания предполагать, что Лев Абалкин скрывается... Ты его найдешь и сообщишь мне. Никаких силовых контактов. Вообще никаких контактов. Найти, установить наблюдение и сообщить мне.

Максим кивнул. Но Экселенц смотрел на него так пристально, что Максим подобрался и повторил приказ:

— Я должен обнаружить его, взять под наблюдение и сообщить вам. Не попадаться ему на глаза, не пытаться его задержать и не вступать с ним ни в какие разговоры.

— Так,— сказал Экселенц.— Теперь следующее. Никто в КОМКОНе не знает, что я интересуюсь этим человеком. И никто не должен знать. Работать ты будешь один. Никаких помощников. Отчитываться будешь передо мной и только передо мной. Никаких исключений.

Несколько ошеломленный Максим спросил:

— Что значит — никаких исключений?

— Никаких — в данном случае означает просто: никаких. В ходе поиска тебе придется говорить со многими людьми. Каждый раз ты будешь пользоваться какой-нибудь легендой. О легендах изволь позаботиться сам. Без легенды будешь разговаривать только со мной. Только!

— Да, Экселенц,— сказал Максим смиренно.

— Далее,— продолжал Экселенц. Он полез в стол и извлек оттуда толстую папку.— Видимо, тебе придется начать с его связей. Все, что мы знаем о его связях, находится здесь.— Он постучал пальцем по папке.— Не слишком много, но для начала достаточно. Возьми.

Максим принял папку. На верхней корочке ее было вытиснено кармином: ЛЕВ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ АБАЛКИН. А ниже — цифры: 07.

— Послушайте, Экселенц,— сказал Максим.— А почему в таком древнем виде?

— Потому что в другом виде этих материалов нет,— холодно ответил Экселенц.— Кстати, никакого копирования не разрешаю. Еще вопросы есть?

— Сроки?

— Пять суток. Не больше.

— Могу я быть уверен, что он точно на Земле?

— Можешь.

Максим поднялся, чтобы идти, но Экселенц

¹⁵⁷ еще не отпустил его. Он смотрел на Максима снизу вверх и молчал. Потом сказал с нажимом:

— Я хочу, чтобы ты обязательно понял: это очень опасный объект. Ты никогда в жизни не имел дела с таким опасным. Постарайся мне поверить.

Максим криво улыбнулся.

— Запугивать изволите, шеф? — произнес он.

— Иди работай,— сказал Экселенц.

У себя в кабинете Максим уселся за стол и положил папку перед собой. Голос Максима:

— Так. Очень опасный объект. Лев Вячеславович Абалкин, прогрессор. Признаюсь совершенно откровенно: я не люблю прогрессоров. И никто их не любит. Почему, интересно? Потому что они опасны. Наверное, единственные опасные люди в нашем безопасном мире...

Он раскрыл папку. Первое, что он увидел,— радиограмма о чрезвычайном происшествии на Саракше.

...Значит, он был шифровальщиком имперского адмиралтейства. Я не знаю более омерзительного государства, чем Островная империя на планете Саракш... а имперское адмиралтейство, говорят, самое омерзительное учреждение в этом государстве. Наши бедные прогрессоры из кожи лезут вон, пытаясь сделать эту клоаку хоть немного лучше, но клоака остается клоакой, а прогрессоры делаются хуже. Они становятся опасными... Прогрессор, работавший имперским шифровальщиком и оказавшийся на грани психического спазма,— да, пожалуй, это действительно опасно... Но не настолько же опасно, чтобы напугать Экселенца! Впервые в жизни я видел напуганного Экселенца...

Максим отложил радиограмму и принялся просматривать содержимое папки. Там были фотографии, психосоциометрические таблицы, копии медицинских и педагогических заключений, копии рабочих характеристик, отзывы, отчеты, рапорты. Он внимательно разглядывал фотографии, быстро пробегал глазами документы, а когда попадались твердые квадратики видеоклипов, то вставлял их в настольный проектор и просматривал отснятые кем-то видеоприступы,— иногда любительские, а иногда вполне профессиональные, сделанные скрытой камерой.

...Так. Это его последняя фотография. Прошлый год... Странно, знакомое лицо. Этого человека я уже где-то видел, только здесь он в форме имперского офицера... Любопытно, где я с ним мог встречаться...

...Так. Родился шестого октября тридцать восьмого. Воспитывался в двести сорок первой школе-интернате. Сыктывкар... Значит, здесь ему лет десять... (На фотографии длинноволосый, дочерна загорелый мальчик, стоит, положив руку на холку лосенку. Школьный сад. Жара. Такие же за-

горелые ребятишки в отдалении.) Учителем у него был Сергей Павлович Федосеев. Что ж, известный человек. Учитель у него был, прямо скажем, экстра-класс...

...Образование наш Абалкин получил в школе прогрессоров номер три. Европа. Одна из старейших школ прогрессоров. Знаменитая школа. Видимо, мальчик много обещал... Здесь он хорош, ничего не скажешь! (На фотографии двадцатилетний Абалкин — в причудливом средневековом наряде — стоит с прямыми мечами в руках в странной позе, видимо, разыгрывает какой-то прогрессорский этюд. За столом справа несколько незнакомых землян внимательно наблюдают за ним.) А наставником в школе был у него, между прочим, сам Эрнст Юлий Горн. Лично! Ну и ну! Этот мальчик подавал очень большие надежды, с младых ногтей его ведут профессионалы высочайшего класса...

...Вот что интересно. И в интернате, и в школе прогрессоров профессиональные склонности: зоопсихология, театр, этнолингвистика. И соответственно профессиональные показания: зоопсихология, теоретическая ксенология. То есть парню с самого начала жизни хотелось заниматься животными, и был у него к этому талант. Как же случилось, что его определили в прогрессоры?..

...Позвольте, а это что такое? Это же голован! (На фотографии Лев Абалкин в походном комбинезоне «следопыта» на фоне оплетенных зеленью руин сидит на корточках рядом с огромной большеголовой пушистой собакой. У собаки такой вид, словно ей не нравится, что ее фотографируют.) Это наш Абалкин на планете Надежда, операция «Мертвый мир»... Я помню эту историю: впервые представитель разумных собак принимал участие в экспедиции землян на другую планету... и теперь я вспомнил, где я встречал этого Абалкина... Это было на Саракше за Голубой Змеей... Они прибыли туда изучать голованов: Комов, Раулингсон, Марта и этот угрюмый парнишка-практикант... У него было тогда очень бледное лицо и длинные прямые волосы, как у американского индейца... Я помню, все поражались, как голованы приняли его. Они его полюбили. Голованы любить не умеют, но этого парнишку они полюбили сразу... Тесен мир! Ладно, посмотрим, что с ним стало дальше...

...А дальше его отправляют работать по специальности на Гиганду. Первый опыт самостоятельного внедрения: псарь тамошнего маршала Нагон-Гига, потом егермейстер герцога Алайского... Так выглядят егермейстеры герцога Алайского... (На фотографии Лев Абалкин почти неузнаваем — нелепый балахон, огромный пегий парик с буклями до пупа и с какими-то торчащими перьями. На сворке у него причудливо изогнутые неправдоподобные борзые герцога Алайского, тучного мужика, который присутствует

тут же, с брезгливыми губами, в низко надвинутой на брови меховой шапке с ушами до земли.) Егермейстером он проработал два с половиной года, а потом его отправили на курсы переподготовки, и в конце семидесятого он оказался на Саракше, где и был внедрен. Замечательный послужной список: заключенный концентрационного лагеря (четыре месяца без связи), переводчик комендатуры концлагеря, солдат строительных частей, старший солдат Береговой охраны, переводчик штаба частей Береговой охраны, переводчик-шифровальщик флагмана второго подводного флота, шифровальщик имперского адмиралтейства... Вчуже страшно...

На дрянной древней фотографии зафиксирован момент попойки имперских офицеров: мундиры расстегнуты, волосы взлохмачены, морды красные, между ними какие-то полугоые особы женского пола в аллегорических позах, бутылки, воздетые бокалы, дым коромыслом, и посреди всего этого Лев Абалкин в распахнутой сорочке, глаза бешеные, рот разинут не то в песне, не то в крике.

...А это что такое? Похоже на букву «Ж». Похоже также на японский иероглиф «сандзю», что означает число тридцать... Непонятно, что это и зачем сюда положено... Так. Теперь врачи. В интернате — Ядвига Михайловна Леканова... Ну, я уже устал удивляться. Конечно, у этого ребенка лечащим врачом мог быть только действительный член Всемирной академии... Спустилась с горных высот фундаментальной науки, дабы скромно обслуживать мальчишку из Сыктывкарского интерната... Правда, в школе прогрессоров за ним наблюдал Ромуальд Кресеску. Это имя я тоже слышал, но не более того... Впрочем, вполне возможно, что у них, прогрессоров, он тоже звезда первой величины. А вот погибший Тристан Гутенфельд — о нем я не слышал, никогда и ничего. А между тем он вел Льва Абалкина последние двадцать два года, бессменно. Один. Он и только он. Что само по себе поразительно, если учесть, что Лев Абалкин мотался по всему космосу... Что-то вроде персонального врача... Здоровье нашего Льва Абалкина представляло такую общественную ценность, что к нему был приставлен персональный врач...

...Родители. Абалкина Стелла Владимировна, Цюрупа Вячеслав Борисович. Оказывается, он круглый сирота, ему года не было, как они погибли...

...Ну что же, Лев Абалкин, теперь я уже могу начинать искать тебя. Я знаю, кто твой учитель, я знаю, кто твой наставник, я знаю твоих наблюдающих врачей... А вот чего я не знаю, так это зачем Экселенцу понадобилось тебя искать. Ты, конечно, очень странный человек, Лев Абалкин, и может быть, все дело в том, что ты очень ценный человек, Лев Абалкин...

Стоп, стоп, стоп! Меня это совершенно не ^{за}касается. Приказано искать — ищи. Почему он, вернувшись на Землю, не зарегистрировался, как все нормальные люди? Психический спазм. Отвращение к своему делу. Прогрессор на грани психического спазма возвращается на родную планету, где он не был по меньшей мере пятнадцать лет. Куда он пойдет? Родителей нет, значит, учитель? Или наставник? Это возможно. Это вполне вероятно. Поплакаться в жилетку. Причем скорее учитель, чем наставник. Ведь наставник как-никак твой коллега, а у тебя — отвращение к своему делу. Прежде всего обратимся к информаторио и поищем адреса...

...Федосеев Сергей Павлович. Живет и здравствует на берегу Аятского озера в своей усадьбе с предостерегающим названием «Комарики»... сейчас ему уже за сто... Мало того что он великий учитель, он еще, оказывается, и археолог. У него в «Комариках» личный музей по палеолиту Северного Урала... Что же, это будет у меня номер первый.

...Ах, черт побери, какая жалость! Эрнст Юлий Горн вне пределов досягаемости. Некая планета Лу, я даже никогда не слышал о такой. Ему сто шестнадцать лет, а он продолжает работать. И никакие спазмы его не берут. Впрочем, если очень понадобится, доберемся и до планеты Лу.

...А вот до Ромуальда Кресеску я уже не доберусь никогда. В семьдесят втором году погиб на Венере при восхождении на пик Стrogova. Значит, остается Ядвига Михайловна Леканова... Сейчас она, оказывается, работает в передвижном институте земной этнологии в бассейне Амазонки. Адреса нет, желающие могут установить с нею связь через стационар в Манаосе. Что ж, и на том спасибо... хотя сомнительно, конечно, чтобы мой клиент в своем нынешнем состоянии потащился плакать в жилетку к своему детскому врачу, да еще в эти первобытные дебри...

...Да. Вот еще шанс. Голованы. Голованы любили Льва Абалкина, и Лев Абалкин любил голованов. У него был друг — голован Щекн-Итч. Они вместе работали на планете Надежда. Они вообще вместе работали до тех пор, пока умные дяди не определили прирожденного зоопсихолога Льва Абалкина прогрессором на Гиганду... На Земле есть постоянная миссия голованов, где-то в Канаде. Надобно иметь это в виду. Но начинать следует с учителя...

Максим Каммерер вышел из здания КОМКОНа и по бульвару Красных Кленов направился к ближайшей будке нуль-транспортировки. К будке стояла небольшая очередь, человек пять. Последним стоял долговязый юноша с диковинным котом на плече.

Очередь двигалась быстро. Над входом загорался зеленый плафон, человек входил, зеленый свет сменялся красным, потом желтым и снова зеленым. Максим был уже вторым, когда к будке прямо сквозь кусты сирени прорался какой-то запыхавшийся, потный человек с роскошными бакенбардами и, прижимая к груди короткопалые ладони, умоляюще проговорил по-русски с сильным акцентом:

— Очень прошу! Страшная срочность! Судьба! Его, улыбаясь, пропустили, и он исчез за дверью будки.

Потом наступила очередь Максима. Он вошел, закрыл за собой дверь, набрал на клавишном пульте девятизначный код, вспыхнула лиловая лампа у него над головой, зажглись зеленые огни на двери, и Максим вышел в шумящий сосновый бор. От площадки, где стояла будка, разбегались тропинки и дороги с указателями. Максим нашел глазами указатель «Комарики» и двинулся по песчаной, усыпанной хвоей дорожке между соснами.

Усадьба «Комарики» стояла на высоком обрыве над самой водой, открытая всем ветрам. Хозяин встретил Максима без особой радости, но достаточно приветливо. Они расположились на террасе у овального антикварного столика, на который поставлены были: туесок со свежей малиной, кувшин молока и несколько стаканов.

— По профессии я зоопсихолог,— сказал Максим, накладывая себе малины,— но сейчас выступаю в качестве писателя или, точнее сказать, журналиста. Я собираю материал для книги. Я хочу написать о контактах человека с голованами. Вы, Сергей Павлович, конечно, знаете, что в этих контактах ученик ваш Лев Абалкин сыграл весьма заметную роль... Я, видите ли, и сам был с ним знаком когда-то, но с тех пор все связи утратил и сейчас всячески пытаюсь его разыскать, да все без толку. На Земле его сейчас нет, когда вернется — неизвестно... А я, знаете ли, хотел бы как можно больше выяснить насчет его детства, как у него все это начиналось, почему так, а не иначе... Движение психологии исследователя — вот что меня интересует в первую очередь. К сожалению, наставника его уже нет в живых, друзей его я не знаю совсем, но зато, к счастью, имею возможность (Максим слегка поклонился) побеседовать с вами, его учителем. Я лично убежден, что в человеке все начинается с детства, причем с самого раннего детства... Как вы полагаете?

Старик довольно долго молчал с лицом совершенно неподвижным. А потом вдруг спросил:

— Кто, собственно, такие — эти голованы? Максим удивился.

— Ну как же... Голованы — это разумная кинойдная раса, возникшая на планете Саракш в результате лучевых мутаций...

— Киноиды? То есть собаки?

— Да. Разумные собакообразные. У них, знаете ли, огромные головы. Отсюда — голованы...

— Значит, Лева занимается собакообразными... Добился все-таки своего...

— Видите ли, — возразил Максим. — Я совсем не знаю, чем занимается Лева сейчас, однако двадцать лет назад он голованами занимался — и с большим успехом...

— Он всегда любил животных, — сказал старик. — И более того, животные любили его. Я был убежден, что ему следует стать зоопсихологом. Когда по распределению направили его в школу прогрессоров, я протестовал как мог, я говорил, что это ошибка, но меня не послушались... Вернее, сделали вид, что послушались, а на самом деле... Впрочем, там все было сложнее. Может быть, если бы я не стал протестовать... — Он оборвал себя и налил гостю стакан молока. — Так что бы вы хотели узнать от меня конкретно? — спросил он.

— Все! — ответил Максим быстро. — Каким он был. Чем увлекался. С кем дружил. Чем славился в школе... Все, что вам запомнилось.

— Хорошо, — сказал старик без всякого энтузиазма. — Я попробую.

Он откинулся на спинку плетеного кресла и стал говорить, глядя мимо Максима.

— Это был мальчик замкнутый. С самого раннего детства. Он ведь был сирота, вы знаете... Замкнутость его была первая черта, которая бросалась в глаза. Но замкнутость эта не была следствием чувства неполноты, ущербности или неуверенности в себе. Это была, если хотите, замкнутость всегда занятого человека. Как будто он не хотел тратить время на окружающих, как будто он был постоянно занят собственным миром. Мир этот, казалось, состоял из него самого и всего живого вокруг, но за исключением людей... Кстати, это не такое уж и редкое явление. Просто он был ТАЛАНТЛИВ в этом. А удивляло в нем как раз другое. При всей своей замкнутости он охотно и прямо-таки с наслаждением выступал на всякого рода соревнованиях и в школьном театре. Особенно в театре. Правда, всегда соло. В пьесах участвовать он отказывался категорически. Обычно он декламировал, даже пел, с огромным вдохновением, с блеском в глазах, он словно раскрывался на сцене, а потом, сойдя в партер, снова становился уклончивым, молчаливым, не-приступным... Я так и не сумел толком разобраться, откуда в нем это. Предполагаю только, что его талант общения с живой природой был настолько сильнее всех остальных движений его души, что окружающие ребята, и учителя, и вообще все люди были ему просто неинтересны. А может быть, все было гораздо сложнее. Может быть, эта замкнутость, эта самопогруженность появились как следствие тысячи микроскопических событий, которые остались за преде-

лами моего поля зрения. Я вспоминаю одну любопытную сцену... Был проливной дождь, а потом Лева ходил по дорожкам парка, собирая червяков-выползков и бросал их обратно в траву. Ребятам это показалось смешным, а среди них были и такие, кто умел не только смеяться, но и жестоко высмеивать... Разумеется, я, не говоря ни слова, присоединился к Леве и стал собирать выползков вместе с ним... И вдруг я почувствовал, меня словно по глазам хлестнуло: он мне не верит. Не верит он тому, что судьба червяков на самом деле меня заинтересовала. У него было еще одно заметное качество: абсолютная честность. Не помню ни одного случая, чтобы он соврал. Даже в том возрасте, когда дети врут охотно и бессмысленно, получая от этого чистое и бескорыстное удовольствие. А он — не врал. И он презирал тех, кто врет... Иногда казалось мне, что в его жизни был какой-то случай, когда он впервые с ужасом и отвращением понял, что люди способны говорить неправду. А я этот момент пропустил... Впрочем, вряд ли все это вам нужно. Вам ведь интереснее узнать, как проклевывался в нем будущий зоопсихолог...

— Не только это! — возразил Максим. — Мне все очень интересно... Что же получается: друзей у него, значит, было совсем немного?

— Друзей у него не было вовсе. У него не было друзей. Много лет спустя другие ребята из его группы говорили мне, что он с ними тоже не встречается. Им было неловко рассказывать, но, как я понял, он попросту уклонялся от таких встреч...

И вдруг его прорвало.

— Ну почему вас интересует именно Лев? Я выпустил в свет сто семьдесят два человека! Почему вам из них понадобился именно Лев? Поймите, я не считаю его своим учеником! Не имею права считать! Это моя неудача! Единственная моя неудача! Десять лет подряд я пытался установить с ним контакт, хотя бы тоненький ниточек между нами... Я выворачивался наизнанку ради него, но все, буквально все, что я предпринимал, оборачивалось во зло...

— Сергей Павлович! — воскликнул Максим. — Что вы говорите? Из Абалкина получился великолепный специалист, ученый самого первого класса! Его работа с голованами...

— У меня прекрасная малина, — сказал старик. — Самая крупная малина в регионе. Отведите еще, прошу вас.

Максим осекся и принял блюдце с малиной, а старик проговорил с горечью:

— Голованы... Возможно, возможно. Однако я и сам знаю, что он талантлив. Только вот моей-то заслуги никакой в этом нет...

Наступила неловкая пауза. Максим бросил в рот несколько ягод и сказал:

— Как жалко, что у него не было друзей. ~~Б~~ рое время. Давайте, я вам позвоню... скажем, через час-полтора.

— Если хотите, я могу назвать вам его одноклассников.— Старик помолчал и вдруг сказал: — Вот что. Попробуйте отыскать Майю Глумову.

Совершенно невозможно было представить, что именно он сейчас вспомнил, какие ассоциации возникли у него в связи с этим именем, но наверняка — самые неприятные. Он даже весь пошел бурыми пятнами.

— Школьная его подруга? — спросил Максим, чтобы скрыть неловкость.

— Нет,— сказал старик.— То есть она, конечно, училась в нашей школе... Майя Глумова. Потом она стала историком.

У себя в кабинете Максим набрал серию кодов на пульте связи, и на экране появилось полное миловидное лицо знаменитого педиатра и социопсихолога, академика Ядвиги Михайловны Лекановой.

— Ядвига Михайловна,— сказал Максим,— извините, ради бога, что я отрываю вас от работы. Меня зовут Максим Каммерер, я журналист, пишу книгу о вашем бывшем пациенте, о Льве Вячеславовиче Абалкине. Я надеялся, что, может быть, вы что-нибудь расскажете мне...

Ядвига Михайловна прищурилась, вспоминая, и сдвинула соболиные брови.

— Лев Абалкин?.. Лева Абалкин... Простите, как вы себя назвали?

— Максим Каммерер.

— Простите, Максим, я не совсем поняла. Вы выступаете от себя лично или как представитель какой-то организации?

— Да как вам сказать... Я, разумеется, договорился с издательством, они там заинтересовались...

— Но вы-то сами — просто журналист или все-таки работаете где-нибудь? Не бывает же такой должности — журналист...

Максим почтительно хихикнул, лихорадочно соображая, как быть.

— Видите ли, Ядвига Михайловна, это довольно трудно сформулировать... Основная профессия у меня... Н-ну, пожалуй, прогрессор... Хотя, когда я начинал работать, такого термина вообще еще не существовало. В недалеком прошлом я — сотрудник КОМКОНа... да и сейчас связан с ним в известном смысле...

— Ушли на вольные хлеба,— сказала Ядвига Михайловна. Она по-прежнему улыбалась, но теперь в ее улыбке не хватало кое-чего очень важного и в то же время весьма обычного — самой обыкновенной доброжелательности.

— Вы знаете, Максим,— сказала она,— я с удовольствием поговорю с вами о Леве Абалкине, но, с вашего позволения, через некото-

— Ну разумеется,— сказал Максим.— Как вам будет удобно...

— Извините меня, пожалуйста.

— Напротив, это вы должны меня извинить... Изображение на экране исчезло. Максим рассеянно перебросил несколько листков в папку, лежащей перед ним на столе.

— Надо же, какой странный получился разговор,— подумал он вслух.— Она словно узнала откуда-то, что я все ей вру... Проклятая профессия... Ладно, подождем... А пока поищем Майю Глумову.

Он вызвал информаторий.

...Так. Майя Тойсовна Глумова. Ага... Она на три года моложе нашего Льва... Историческое отделение Сорбонны.. Ранняя эпоха первой научно-технической революции... потом — история космических исследований. Сын, Тойво Глумов, одиннадцать лет... А вот о муже она никаких сведений не дала... О чудо! Ныне она у нас сотрудник спецфонда Музея внеземных культур... это же в трех кварталах отсюда, на Площади Звезды!.. И живет неподалеку...

Максим отключил информаторий, откинулся на спинку стула и с удовлетворением потянулся.

Тут в дверь постучали, и через порог шагнул в кабинет Экселенц. Максим поднялся.

— Сядь,— строго сказал Экселенц и сам опустился в кресло для посетителей. Максим спешно сел.— Дай сюда план работы.

Максим протянул ему листок, Экселенц быстро проглядел текст и сказал:

— Плохо.

— Так уж и плохо, Экселенц...

— Плохо! Наставник умер. А школьные друзья? У тебя их нет ни одного. А где его однокашники по школе прогрессоров?

— К сожалению, Экселенц, у него, по-видимому, не было друзей. Во всяком случае — в интернате. А что касается школы прогрессоров...

— Уволь меня от этих рассуждений. Мне не нравится, что ты отвлекаешься. При чем здесь детский врач, например?

— Я стараюсь проверить все.

— У тебя нет времени проверять все. Занимайся архивами, а не беготней...

— Архивами я тоже займусь,— сказал Максим, начиная злиться,— однако побегать мне все равно придется. И я вовсе не считаю, что детский врач — такая уж пустая трата времени.

— Помолчи,— сказал Экселенц и снова углубился в изучение плана.— Кто такая эта Глумова? — спросил он.

— Они вместе учились в интернате. Мне кажется, это у него была детская любовь или что-то в этом роде...

— Ну ладно...— проворчал Экселенц, возвращая листок.— Глумова — это хорошо. Если это

была детская любовь, то это шанс... И легенда твоя мне нравится. А все остальное — плохо. Ты поверил, что у него не было друзей. Это неверно. Тристан был его другом, хотя ни в каких папках ты не найдешь об этом ни слова. И никто, кроме меня, тебе об этом не рассказал бы. Ищи! Никому не верь на слово, ищи! А Леканову оставь в покое. Это тебе не нужно.

— Но она же все равно мне позвонит!

— Не позвонит,— произнес Экселенц ходяко.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза. Потом Максим проговорил:

— Экселенц. А вам не кажется, что я работал бы гораздо успешнее, если бы знал всю подоплеку?

Экселенц ответил не сразу.

— Не знаю. Полагаю, что нет. Все равно я пока не могу ничего сказать тебе. Да и не хочу.

— Тайна личности? — спросил Максим.

— Да,— сказал Экселенц.— Тайна личности.

Максим шел по залам Музея внеземных культур мимо странных его экспонатов, похожих не то на абстрактные скульптуры, не то на материализовавшийся бред сумасшедшего эволюциониста. В залах было пусто, только один раз вышел он на двух молоденьких девчушек, которые с молекулярными паяльниками в руках воились в недрах некоего сооружения, более всего напоминающего гигантский моток колючей проволоки. Он попросил у них указаний и вскоре оказался перед дверью с табличкой: «Сектор предметов невыясненного назначения. Кабинет мастерская. Глумова М. Т.».

Майя Тойковна подняла навстречу ему лицо. Красивая, более того — очень милая женщина, она глядела на него рассеянно, и даже не на него, а как бы сквозь него, глядела и молчала. На столе перед нею было пусто, только обе руки ее лежали на столе, как будто она их положила перед собой и забыла о них.

— Прошу прощения,— сказал Максим.— Меня зовут Максим Каммерер.

— Да. Слушаю вас.

Это была неправда: не слушала она его. Не слышала она его и не видела. Ей было явно не до него в тот час. Любой приличный человек в такой ситуации должен был бы извиниться и потихоньку уйти. Однако Максим не мог себе этого позволить. Он был помощником Экселенца на работе. Поэтому он уселся в первое попавшееся кресло и, изобразив на лице простодушную приветливость, принялся говорить:

— Вы знаете, у меня к вам дело не совсем обычное, я пришел к вам, так сказать, искать ваших воспоминаний... причем детских воспоминаний, совсем, так сказать, давних... Я, собст-

венно, журналист, и пишу книгу о человеке по имени Лев Абалкин...

И тут произошла удивительная вещь. Едва это имя было произнесено, как Майя Тойковна словно бы проснулась. Вся рассеянность ее исчезла, она вспыхнула и буквально впилась в журналиста Каммерера серыми глазами.

— ...А, я вижу, вы его помните! — продолжал добродушный и толстокожий журналист Каммерер.— Это славно, это здорово, это рождает во мне большие надежды. Я слышал, что вы дружили с Левой, и теперь я вижу, что вы не забыли этой дружбы... Да и как можно забыть Леву? Это же такой замечательный парень...

— Вы его тоже знали? — спросила Глумова.

— А как же! Потому и дерзаю! Я же был, если хотите, у самых истоков. Саракш! Голубая Змея!.. На самом-то деле никакая она не голубая, она грязно-желтая и заражена радиоактивностью на двести лет вперед... а по берегам бродят грозные и таинственные голованы, о которых тогда еще никто ничего толком не знал. И тут появляется Лева...

— И вы об этом хотите написать?

— Разумеется! — сказал Максим.— Но этого мало.

— Мало — для чего? — спросила она, и на лице у нее появилось странное выражение — словно она с трудом сдерживает смех. У нее даже глаза блестели.

— Понимаете,— сказал Максим,— мне хочется взять гораздо шире. Мне хочется показать становление Абалкина как крупнейшего специалиста в своей области. Ведь на стыке зоопсихологии и социопсихологии он произвел что-то вроде...

— Но он же не стал специалистом в своей области,— проговорила Майя Глумова.— Ведь они же сделали его прогрессором. Они же его... Они...

Не смех она, оказывается, сдерживала, а слезы, и теперь перестала сдерживать — упала лицом в ладони и разрыдалась. Она плакала, она судорожно вздыхала, всхлипывала, слезы протекали у нее между пальцами и капали на стол, а потом вдруг принялась говорить — будто думала вслух, перебивая самое себя, без всяко-го порядка и безо всякой видимой цели.

— ...Он лупил меня... Ого, еще как!.. Стоило мне поднять хвост, и он выдавал мне по первое число... Плевать ему было, что я девчонка и младше его на три года: я принадлежала ему — и точка!.. Я была его вещью, его собственной вещью. Стала сразу же, чуть ли не в первый день, когда он увидел меня... мне было тогда пять лет, а ему восемь. Он бегал кругами и выкрикивал считалку собственного сочинения: «Стояли звери — около двери — в них стреляли — они умирали!» Десять раз, двадцать раз

подряд... Мне стало смешно, я захихикала, и вот тогда он выдал мне впервые...

...Вы не понимаете, как это было прекрасно — быть его вещью. Потому что он любил меня. Он больше никого и никогда не любил. Только меня! Все остальные были ему безразличны. Они ничего не понимали и не умели понять. Только я умела. Он выходил на сцену, пел песни, читал стихи — для меня. Он так и говорил: «Это для тебя. Тебе понравилось?» И прыгал в высоту — для меня. И нырял на сорок два метра — для меня. И писал ритмическую прозу по ночам — тоже для меня. О-о-о, он очень ценил меня, свою собственную вещь, и он все время стремился быть достойным такой ценной вещи. И никто ничего об этом не знал. Он всегда умел сделать так, чтобы никто ничего о нем не знал. До самого последнего года, когда об этом узнал Федосеев, его учитель...

...У него было еще много собственных вещей. Весь лес вокруг был очень большой собственной вещью. Каждая птица в этом лесу, каждая белка, каждая лягушка в каждой канаве. Он повелевал змеями, он начинал и прекращал войны муравейников, он умел лечить оленей, и все они были его собственными. Кроме старого лося по имени Рекс. Этого он признал равным себе, но потом с ним поссорился и прогнал из леса...

...Дура, дура! Все было так хорошо, но я-то, дура, не понимала, что все хорошо, я подросла и вздумала освободиться. Я прямо ему объявила, что не желаю больше быть его вещью. Он отступил меня, но я была упрямая, я стояла на своем, проклятая дура. Тогда он снова отступил меня, по-настоящему, беспощадно, как он лупил своих волков, когда они пытались вырваться из повиновения. Но я-то была не волк, я была упрямее всех его волков вместе взятых, и тогда он выхватил из-за пояса свой нож... у него был нож, никто не знал, он нашел кость в лесу и сам выточил из нее нож... И вот этим ножом он с бешеною улыбкой медленно и страшно вспорол себе руку от кисти до локтя. Стоял передо мной с бешеною улыбкой, кровь хлестала у него из руки, как вода из крана, и он спросил: «А теперь?» Он еще не успел повалиться, как я поняла, что он прав. И был прав всегда, с самого начала. Только я, дура, дура, дура, так и не захотела признать это.

...А в последний его год, когда я вернулась с каникул, ничего уже не было. Что-то произошло. Наверное, они уже взяли его в свои руки. Или узнали обо всем и, конечно же, ужаснулись неизвестно чему, идиоты, проклятые заботливые кретины... Он посмотрел сквозь меня и отвернулся. Я перестала существовать для него. В точности, как и все остальные. Он утратил свою ценную вещь и примирился с потерей... А когда он снова вспомнил обо мне, все уже было по-другому. Жизнь уже навсегда перестала быть та-

инственным лесом, где он был владыкой, а я — самым ценным, что у него было в этом лесу. Они уже начали превращать его, он уже был почти прогрессор, он уже был на полпути в другой мир, где предают и мучают друг друга. И видно было, что он стоит на этом пути твердой ногой, он оказался хорошим учеником, старательным и способным... Он писал мне, я не откликалась. Ему надо было не писать и не звать, а приехать самому и отлучить, как встарь, и тогда все, может быть, и стало бы по-прежнему. Но скорее всего — нет. Ведь он уже больше не был владыкой. Он стал всего лишь мужчиной, каких было много вокруг... И он перестал мне писать...

...Последнее письмо его... Представляете, он всегда писал только от руки, никаких кристаллов, никаких транскрипторов, только от руки... Последнее письмо он прислал мне как раз оттуда, с вашей Голубой Змеи. И знаете, что он там написал? «Стояли звери около двери, в них стреляли, они умирали». И больше ничего. Ни одного слова. Ни имени, ни подписи...

...Но все равно я ждала его. Вчера он объявился, и я сразу поняла: все двадцать лет я ждала этого дня... Дура несчастная, чего я дождалась!..

Она вдруг замолчала и, словно очнувшись, уставилась на Максима. Глаза у нее были сухие и блестящие, совсем больные глаза.

— Кто вы такой? — спросила она.

— Меня зовут Максим Каммерер, — ответил журналист Каммерер, всем видом своим изображая крайнюю растерянность. — Я в некотором роде писатель... но ради бога... Я, видимо, попал не вовремя... Понимаете, я собираю материалы для книги о Льве Абалкине...

— Что он здесь делает?

— В каком смысле?

— У него здесь задание?

Журналист Каммерер обалдел.

— З-задание? Какое задание?.. Майя Тойновна, ради бога, не подумайте только... Считайте, что я ничего здесь не слышал... Я уже все забыл... Меня здесь вообще не было... Видите ли, у меня такая манера работы. Я начинаю с периферии: сотрудники, друзья... учителя, разумеется... наставники... а потом уже, так сказать, во всеоружии приступаю к главному объекту моего исследования... У нас с вами получилось какое-то ужасное совпадение, и не более того... Я же не слепой, я же вижу...

— Да, — сказала она. — Это совпадение.

Она откинулась в кресло и прикрыла лицо ладонью. Ей было нехорошо. Ей было стыдно.

— Совпадение и более ничего... — бормотал журналист Каммерер. — И забудем... Ничего не было... Потом, когда-нибудь... когда вам будет удобно... угодно... я бы с величайшей благодар-

ностью, разумеется... Майя Тойковна, может, позвать кого-нибудь? Я мигом...

Она молчала.

— Ну и не надо, ну и правильно... Зачем? Я посижу здесь с вами... на всякий случай...

Она отняла руку от глаз и устало сказала:

— Не надо вам со мной сидеть. Ступайте лучше к своему главному объекту...

— Нет-нет-нет! Успею. Объект, знаете ли, объектом, а я бы не хотел оставлять вас сейчас одну... Времени у меня сколько угодно...— Он посмотрел на часы с некоторой тревогой.— А где он сейчас?

— Думаю, он сейчас у себя,— проговорила Майя Глумова, кривовато усмехнувшись.— Курорт «Осинушка». Это на Валдае, на озере Велье. Всего доброго.

— М-м-м! — очень громко произнес журналист Каммерер.— Озеро Велье... озеро Велье... Я как-то все это совсем по-другому себе представлял. Я еще раз прошу извинить меня, Майя Тойковна, но, может быть, с ним можно как-то связаться отсюда?..

— Наверное, можно,— сказала Майя Тойковна совсем уже угасшим голосом.— Но я не знаю его номера... и знать не хочу... Послушайте, Каммерер, дайте вы мне остаться одной! Все равно вам сейчас от меня никакого толку...

По тропинке между пышными кустами сирени Максим приблизился к уютному коттеджу, поднялся на крылечко к двери с большой цифрой «6» и постучал. Как он и ожидал, дверь заперта не была. В маленьком холле было пусто, на низком столике под газосветной лампой важно кивал головой игрушечный медвежонок панда.

На кухне мойка была забита грязными тарелками, окно Линии доставки было открыто, и в приемной камере красовался невостребованный пакет с грядью бананов. В гостиной было и того хуже. Весь пол был усеян клочьями рваной бумаги. Широкая кушетка разорена, цветастые подушки валялись где попало, кресло у стола было опрокинуто, на столе в беспорядке располагались блюда с подсохшей едой, грязные тарелки, бокалы, среди всего этого торчала почтата бутылка вина. Оконная портьера была содрана и висела на последних нитках.

Мятая бумага валялась не только на полу, и не вся она была мятая. Несколько листков белели на кушетке, рваные клочки попали в блюдо с едой, и вообще блюда и тарелки были несколько сдвинуты в сторону, а на освободившемся пространстве имелась целая кипа бумажных листков.

Максим поднял поваленное кресло и уселся в него, собрав разбросанные листки в одну пачку.

Все это выглядело довольно странно: кто-то быстро и уверенно нарисовал на листках какие-то детские лица, каких-то явно земных зверушек, какие-то строения, пейзажи, даже просто облака. Было среди листков несколько схем или как бы кроков — рощицы, ручьи, болота, перекрестьки, и тут же — среди топографических знаков — крошечные человеческие фигурки, сидящие, лежащие, бегущие, и крошечные изображения животных, не то оленей, не то лосей, не то волков, не то собак, и почему-то некоторые из этих фигурок были перечеркнуты. На одном из листочеков Максим обнаружил превосходный портрет Майи Глумовой с неуместным выражением то ли растерянности, то ли недоумения на улыбающемся и в общем-то веселом лице. И был там еще шарж на Сергея Павловича Федосеева, причем мастерский — именно таким был, вероятно, Федосеев четверть века назад...

Максим отложил бумаги и вновь оглядел гостиную — захламленную, неприбранную, загаженную, поднял с пола и взвесил на ладони остатки янтарного ожерелья... Делать здесь было больше нечего.

Когда Максим кончил свой доклад в кабинете Экселенца, тот, не поднимая глаз, сказал угрюмо:

— С Глумовой у тебя почти ничего не получилось.

— Меня связывала легенда,— сухо сказал Максим.

— Что думаешь делать дальше?

— По-моему, в коттедж номер шесть он больше не вернется.

— По-моему, тоже,— проворчал Экселенц.— А к Глумовой?

— Трудно сказать. Ничего не могу сказать. Не понимаю. Какой-то шанс, конечно, остается...

— Твое мнение: зачем он вообще с нею встречался?

— Вот этого я и не понимаю, Экселенц. Судя по всему, они занимались там любовью и воспоминаниями. Только любовь эта была не совсем любовь, а воспоминания — не обычные воспоминания. Иначе Глумова не была бы в таком мучительном отчаянии. Конечно, он — имперский офицер, еще позавчера он был имперским офицером, и если он напился как свинья, он мог ее попросту оскорбить... Особенно, если вспомнить, какие нестандартные отношения были у них в детстве...

— Не преувеличивай. Они уже давно не дети. Я ставлю вопрос так: если он теперь снова позвонит ей... или придет к ней сам — примет она его?

— Не знаю,— сказал Максим.— Думаю, что да. Он все еще много значит для нее. Она не

могла бы прийти в такое отчаяние из-за человека, который ей противен или безразличен.

— Литература...— проворчал Экселенц и вдруг гаркнул: — Ты должен был узнать, зачем он ее вызывал! О чем они говорили! Что он ей сказал!

Максим разозлился.

— Ничего этого я узнать не мог! Она была в истерике! А когда пришла в себя, перед ней сидел дубина-журналист со шкурой толщиной в дюйм!

— Тебе придется встретиться с нею еще раз.

— Тогда разрешите мне изменить легенду!

Экселенц вдруг спросил, не поднимая головы:

— Зачем тебе понадобилось утром заходить в Музей?

Максим удивился.

— То есть как — зачем? Чтобы поговорить с Глумовой!..

Экселенц медленно поднял голову, и, увидев его глаза, Максим даже отпрянул. Было несомненно, что он только что сказал нечто ужасное. И он залепетал, как школьник:

— А что тут такого?.. Ведь она же там работает... Где же мне было с ней разговаривать? Домой к ней переться, что ли?..

— Глумова работает в Музее внеземных культур? — отчетливо выговаривая слова, спросил Экселенц.

— Ну да... А что случилось?

— В секторе предметов невыясненного назначения... — тихо проговорил Экселенц. То ли спросил, то ли сообщил.

Максим смотрел на него со страхом.

— Да... — произнес он шепотом.

Экселенц снова опустил глаза, и Максим снова видел только его шафранную лысину.

— Экселенц...

— Помолчи! — гаркнул Экселенц.

Некоторое время оба молчали. Потом Экселенц сказал своим обычным голосом:

— Так. Отправляйся домой. Сиди дома и никуда не выходи. Ты можешь понадобиться мне в любую минуту. Но скорее всего — ночью. Жди.

Прия домой, озабоченный и озадаченный Максим Каммерер обнаружил там сына Гришу, рослого спортивного парня двадцати пяти лет.

— Здрасьте! — воскликнул Максим, веселясь. — Интересно мне знать, что ты здесь делаешь? С Аленкой поссорился?

— Отнюдь, — отозвался Гриша. — Отозван из отпуска по делам службы.

— По каким еще делам службы? Ты что — серьезно?

— Клянусь честью. Отозван в самом срочном порядке. Заскочил в отчий дом исключительно

чтобы перекусить и принять душ... Слушай, папа, где мой халат?

— Там, где ты его поместил, — ответил Максим механически. Он снова сделался озабоченным.

— Ну ладно тебе... Можно, я твой возьму?

— Можно, — сказал Максим и спросил: — Кто тебя отозвал? Серосовин?

Гриша помотал головой.

— Нет. Бери выше. — Он ткнул пальцем в потолок. — Сам! Лично! А вообще, какой пример ты подаешь сыну? Что за манера — выпытывать служебные тайны, пользуясь служебным положением?

— А если по шеяке? — агрессивно спросил Максим, чтобы скрыть нарастающее в нем чувство тревоги.

— А ты попробуй! — предложил Гриша и тут же исчез.

Отеческая длань со свистом пронеслась через пустоту, а Гриша, уже по другую сторону стола, скалил безукоризненные зубы и говорил с издевкой:

— Вяло. Вя-ло! Вы забыли, с кем имеете дело, сударь?

— И с кем же я имею дело?

— С чемпионом сектора по субаксу, сударь! Как вы полагаете, почему именно меня самое высокое начальство отзывает в самый разгар отпуска? Только потому, что я — чемпион сектора по субаксу! Как вам это нравится, сударь?

— Мне это не очень нравится, — медленно проговорил Максим, и тут раздался видеофонный вызов.

Экран видеофона светился, но изображения на нем не было. Максим ткнул пальцем в клавишу и сказал:

— Я вас слушаю... Только имейте в виду, вас почему-то не видно.

— Простите, я забыл, — произнес низкий мужской голос, и на экране появилось лицо.

Это был Лев Абалкин.

— Здравствуйте, Мак, — сказал он. — Вы меня узнаете?

Максиму нужно было несколько секунд, чтобы привести себя в порядок. Он был совершенно не готов.

— Позвольте, позвольте... — затянул он, лихорадочно соображая, как следует себя вести. Краем глаза он следил, как Гриша, забрав купальные принадлежности, удалился в ванную.

— Лев Абалкин. Помните? Саракш, Голубая Змея...

— Господи! — вскричал журналист Каммерер, в прошлом Мак Сим, резидент Земли на планете Саракш. — Лева! А мне же сказали, что вас на Земле нет... Или вы еще там?

— Нет. Я уже здесь... — Лев Абалкин улыбнулся. — Надеюсь, я вам не слишком помешал?

— Вы мне никак не можете помешать! Вы

мне нужны позарез! Ведь я пишу книгу о голованах...

— Да, я знаю,— перебил Абалкин.— Потому и звоню... Но, Мак, я ведь уже давно не имею дела с голованами.

— Это совершенно не важно. Важно, что вы были первым, кто имел дело с ними.

— Между прочим, первым были вы...

— Нет. Покусали сини меня первого, это так. Но я их просто случайно обнаружил, вот и все... И вообще, о себе я уже написал... Послушайте, Лева, нам надо обязательно встретиться. Вы надолго домой?

— Не очень,— сказал Абалкин.— Но встретимся мы обязательно. Правда, сегодня я не хотел бы...

— Положим, сегодня и мне было бы не совсем удобно,— быстро подхватил журналист Каммерер.— А вот как насчет завтрашнего дня?

Лев Абалкин молча всматривался в его лицо.

— Поразительно, поразительно...— проговорил он.— Вы совсем не изменились. А я?

— Честно?

Лев Абалкин снова улыбнулся.

— Нет. Честно — не надо... Двадцать лет прошло... Вы знаете, вот я сейчас вспоминаю эти времена и думаю: до чего же мне чертовски повезло, что я начинал с такими руководителями, как Геннадий Комов и как вы, Мак...

— Ну-ну, не преувеличивайте. Я-то здесь при чем?

— То есть как это — вы-то здесь при чем? Комов руководил, Раулингсон и я были на подхвате, а ведь всю координацию осуществляли вы и только вы...

Максим выптаращил глаза — самым искренним образом.

— Ну, Лев,— сказал он,— вы, брат, ничего, видно, не поняли в тогдашней субординации. Единственное, что я тогда для вас делал, это обеспечивал безопасность, транспорт и продовольствие... да и то...

— И поставляли идеи! — вставил Абалкин.

— Какие идеи?

— Идея экспедиции на Голубую Змею — ваша?

— Ну, в той мере, что я сообщил на Землю по поводу голованов...

— Так! Это раз. Идея о том, что с голованами должны работать прогрессоры, а никакие не зоопсихологи — это два!..

— Погодите, Лев! Это не моя идея, это Комова идея! Мне тогда вообще на вас на всех было наплевать! У меня тогда был первый массовый десант Океанской империи... Господи! Да если говорить честно, я обо всех вас и вспоминать тогда не вспоминал!

Лев Абалкин смеялся, обнажая ровные белые зубы.

— И нечего на меня скалиться,— сказал Мак-

сим сердито.— Вы же ставите меня в дурацкое положение. Вздор какой. Не-ет, голубчики, видно, я вовремя взялся за эту книгу. Надо же, какими идиотскими легендами все это обросло!

— Ладно, ладно, я больше не буду,— сказал Абалкин.— Мы продолжим этот спор при личной встрече...

— Вот именно. Только спора никакого не будет. Не о чём здесь спорить. Давайте так...— Максим поиграл кнопками настольного блокнота.— Завтра в десять ноль-ноль у меня. Или, может быть, вам удобнее...

— Давайте лучше у меня,— сказал Лев Абалкин.

— Тогда диктуйте адрес,— скомандовал журналист Каммерер.

— Курорт «Осинушка»,— сказал Абалкин.— Коттедж номер шесть.

С мокрыми после душа волосами, полностью экипированный по последней моде, Каммерер-младший остановился на пороге комнаты и, задерживая последнюю «молнию» на курточке, доложил:

— Пап, я пошел. Будут какие-нибудь распоряжения, пожелания?

— Когда вернешься?

— Спроси у шефа.

— Хорошо. Иди. Да не выскакивай особенно, знаю я тебя. Мало я тебя драл.

— А чего ж ты так,— сказал Гриша.— Ленивый был?

Максим махнул ему, и Гриша исчез за дверями.

...Откуда он узнал мой номер? Это просто. Номер я оставлял учителю. И адрес, кстати. Значит, он все же решил повидаться с учителем. Несмотря ни на что. Двадцать лет не давал о себе знать, а сейчас вот вдруг решил повидаться. Зачем? Поплакать в жилетку... Не похоже...

...С какой целью он мне звонил? Он чего-то добивался. Не понимаю, чего именно... Зачем ему понадобилось приписывать мне свои заслуги, да еще заслуги Комова вдобавок. Причем с ходу, в лоб, едва успевши поздороваться... Можно подумать, будто я действительно распространяю легенды о своем приоритете, присваиваю себе все фундаментальные идеи относительно голованов, а он об этом узнал и дает мне понять, что я — дерньмо... Но это же вздор! О том, что именно я первый обнаружил голованов, знают сейчас только самые узкие специалисты, да и те, наверное, забыли об этом за ненадобностью...

...Но факт остается фактом: мне только что позвонил Лев Абалкин и объявил, что по его мнению основоположником и корифеем современной науки о голованах являюсь я, журналист Каммерер. Больше наш разговор не содержал ничего существенного... Ну, правда, свидание

было назначено в самом конце... Но ведь адрес-

то, скорее всего, фальшивый...

...Есть, конечно, еще одна версия. Ему было все равно, о чем со мной говорить. Ему нужно было только увидеть меня. Учитель... или Майя Глумова, например... говорят ему: тобой интересуется некий Максим Каммерер. Вот как? — думает скрывающийся Абалкин.— Очень странно! Ведь я знал Максима Каммерера. Это что — совпадение? Лев Абалкин не верит в совпадения. Дай-ка я позвоню этому человеку и посмотрю, точно ли это Максим Каммерер...

...Если это и правда, то не вся правда. Зачем ему понадобилось тогда вступать в разговор? Посмотрел бы, послушал, убедился, что я есть я, и благополучно отключился бы... И потом, я же видел, он не просто разговаривает со мной, он еще и наблюдает за моей реакцией, он говорит заведомую чушь и внимательно следит, как я на эту чушь реагирую... Может быть, он на самом деле допускает, что моя роль в исследовании голованов чрезвычайно велика? Он звонит мне, чтобы проверить это свое допущение, и по моей реакции убеждается, что допущение это неверно...

...Вполне логично, но как-то странно. При чем здесь голованы? Хотя, если бы мне сейчас предложили вкратце изложить самую суть биографии этого человека, я бы, наверное, сказал так: ему нравилось работать с голованами, больше всего на свете он хотел работать с голованами, он уже весьма успешно работал с голованами, но работать с голованами ему почему-то не дали... Так, может быть, у него наконец лопнуло терпение, он плунул на своих прогрессоров, на дисциплину, на начальство, плунул на все и вернулся домой, чтобы, черт возьми, раз и навсегда выяснить, почему не дают ему заниматься любимым делом, кто — персонально — мешает ему всю жизнь, с кого спросить за пятнадцать лет, потраченных на безмерно тяжкую и нелюбимую работу прогрессора... Вот он и вернулся. И сразу наткнулся на мое имя. И сразу вспомнил, что, по сути дела, я был куратором его первой работы с голованами. И ему захотелось узнать, не принимал ли я участия в этом беспрецедентном отчуждении человека от любимого дела. И с помощью нехитрого приема он узнал, что нет, не виновен,— занимался, оказывается, отражением десантов и вообще был не в курсе...

Да, так можно было бы объяснить этот разговор со мной. Но только этот разговор, и ничего больше. Ни темную историю с Тристаном, ни темную историю с Майей Глумовой, ни тем более причину, по которой Абалкину понадобилось скрываться,— все это объяснить этой моей гипотезой нельзя. Да елки-палки! Если бы эта моя гипотеза была правильной, Лев Абал-

кин сейчас не скрывался бы, а ходил по КОМКОНу и лупил бы своих обидчиков направо и налево, как и полагается имперскому офицеру, который уклонился от обратного кондиционирования... И все-таки что-то здравое в этой моей гипотезе есть. И возникают кое-какие практические вопросы... Дьявольщина, в дверь звонят... Кто бы это мог быть? Совершенно не вовремя...

Распахнувши входную дверь, Максим Каммерер с огромным изумлением обнаружил на пороге старого учителя — Сергея Павловича Федосеева. Старик почему-то окинул его с ног до головы тревожным взглядом и проговорил с явным облегчением:

— Я вижу, Максим, у вас все более или менее в порядке... Он был у вас?

— Кто? — удивился Максим и добавил: — Да вы входите, Сергей Павлович, прошу вас. Они вошли в гостиную и уселись в кресла.

— Нервы у меня стали шалить,— произнес старик и откашлялся.— Совершенно разучился управлять своим воображением. Извините меня, пожалуйста, Максим, навообразил себе невесту что...

— А вот мы сейчас чайку! — воскликнул бодро журналист Каммерер.— А? С пасифункими! А?

— Нет-нет, ни в коем случае. Поздно уже... Так, значит, он к вам так и не заходил еще... Я имею в виду Леву. Леву Абалкина.

— Он мне звонил. Час-полтора назад. А что случилось?

— И как вы его нашли?

— Да разговор, надо признаться, получился довольно странный, я ничего не понял... Но ведь он и раньше был довольно странный парень, как я помню...

— Он не оскорбил вас?

— Господи, конечно, нет! Скорее уж я на него накричал немножко... на правах старшего, так сказать... А что все-таки случилось, Сергей Павлович?

Сергей Павлович явно затруднился.

— Наверное, мне придется рассказать вам все,— проговорил он.— Может быть, нам с вами следует сопоставить наши впечатления... Дело в том, что я видел его сегодня, и до сих пор я чувствую себя... ну просто взвинченным! Представьте себе, примерно в пять часов я вылетел на своем глейдере в Свердловск... у меня там было свидание в клубе. Через пятнадцать минут меня буквально атаковал и заставил приземлиться невесть откуда взявшийся дикий глейдер. Он садится рядом, и из него выскакивает, представьте себе, Лева Абалкин, весь взъерошенный и совершенно невменяемый. Не здороваясь, не давши мне раскрыть рта и тем более не тратя времени на сыновни объятия, он обрушивается

на меня с саркастическими благодарностями за те неимоверные усилия, которые якобы я приложил в свое время для того, чтобы засунуть его, Абалкина, в школу прогрессоров. Понимаете? Он с детских лет мечтал стать зоопсихологом, а я, видите ли, загнал его в прогрессоры и таким образом, как он выразился, сделал всю его дальнейшую жизнь «безмятежной и счастливой!» Это было настолько наглое и беспардонное извращение истины, что поначалу я просто не нашел слов! Я залепил ему оплеуху, он замолчал, и мы несколько минут тряслись друг перед другом от бешенства и негодования. Потом мне удалось взять себя в руки, и я, как мог спокойно, объяснил ему истинное положение дел. Теперь, когда все участники этой странной истории либо умерли, либо давным-давно на покое, я мог ему рассказать все. Какую роль здесь сыграл региональный совет просвещения. Как вел себя Евразийский сектор. Что говорил доктор Серафимович и что сказал тогда тогдашний председатель комиссии по распределению... Я ему рассказал все! Как меня унизили, как меня высекли, как мне предъявили заключение четырех экспертов и доказали, что они все правы и только один я, старый дурак, не прав...

Дойдя до этого пункта, Сергей Павлович задохнулся и замолчал.

— И что же он? — осмелился спросить журналист Каммерер.

Старик горестно пожевал губами.

— Этот глупый мальчишка поцеловал мне руку и бросился к своему глайдеру. Я крикнул ему... Я не мог просто так. Я должен был все объяснить, и я должен был понять, что происходит... А слов не было. И я только сказал ему про вас... Что журналист Каммерер ищет его, чтобы повидаться... И вот тут произошло нечто совсем уж необъяснимое. То, из-за чего я здесь. Все это время я просидел в клубе как на иголках... Наваждение какое-то... Представьте себе, он уже садился в глайдер и тут услышал ваше имя. Лицо его буквально исказилось. Я не берусь передать это выражение, да я и не понимаю его. Он переспросил меня. Я повторил, уже сомневаясь, правильно ли я поступаю. Он спросил ваш адрес. Я сказал. И тогда он проговорил... нет, прошипел!.. что-то вроде: очень хорошо, с удовольствием с ним повстречаюсь... Я так ничего и не понял. Я пришел к вам сейчас, во-первых, потому, что мне стало страшно за вас... а во-вторых, может быть, вы что-нибудь понимаете? Что случилось? Что происходит с ним?

— Я и сам ничего не могу понять, — сказал Каммерер искренне.

— Бедный мальчик... — проговорил учитель. — Вы знаете, ведь ему не повезло в жизни. У меня такое впечатление, что всю жизнь ему не везло. — Он помолчал и добавил, поднимаясь: — Вы зна-

те, Максим, мне сейчас кажется почему-то, что я больше никогда его не увижу.

У себя дома Экселенц носил строгое черное кимоно. Он восседал за рабочим столом и занимался любимым делом: рассматривал через лупу какую-то уродливую коллекционную статуэтку.

— Я понял твою гипотезу, — сказал Экселенц. — Чуть позже мы поговорим о ней. Помоему, у тебя есть ко мне вопросы.

— Да, — сказал Максим. — Я хотел бы знать, вступал ли Лев Абалкин на Земле в контакт с кем-нибудь еще. Кроме меня.

— Вступал, — сказал Экселенц и посмотрел на Максима с явным интересом.

— Могу я узнать — с кем?

— Можешь. Со мной.

Максим вздрогнул.

— Я вижу, тебя это удивляет... — продолжал Экселенц. — Меня тоже. Но никакого разговора у нас не было. Он проделал такую же штуку, что и с тобой: не включил изображение. Полюбовался на меня, узнал, надо думать, и отключился.

— А почему вы, собственно, решили, что это был он?

— Потому что он связался со мной по каналу, который был известен только одному человеку.

Так, может быть, этот человек...

— Нет. Этот человек мертв. Его звали Тристан Гутенфельд, он был наблюдющим врачом Льва Абалкина, как ты должен помнить, и погиб при довольно странных обстоятельствах.

Некоторое время они молчали, потом Экселенц заговорил снова:

— Что же касается твоей гипотезы, то она никуда не годится. Лев Абалкин сделался пре-восходным резидентом. Он любил свою работу, отлично ее делал, и у него в мыслях даже не было ее менять...

— Однако с детства он мечтал стать зоопсихологом...

— Это не твоя компетенция, — сказал Экселенц резко. — Не отвлекайся. Ты все время отвлекаешься. Что ты намерен делать дальше?

Максим посмотрел на часы.

— На десять часов у меня назначено свидание с Абалкиным в коттедже номер шесть, как я вам уже докладывал. Полагаю, это пустой номер. Он не придет. Тогда я отправлюсь в Канаду. Я еще не говорил вам, Экселенц... Через информаторий мне удалось разыскать того голована по имени Щекн-Итрч, с которым Лев Абалкин дружил в молодые свои годы. Так вот, он сейчас на Земле. Он что-то вроде культурного атташе... или, если угодно, переводчика-референта при постоянном посольстве голова-

нов. Это на реке Телон, северо-западнее Бей-Жежения. И наконец снова приятная улыбка, правда, слегка уже напянутая.

Экселенц кивнул.

— Хорошо,—сказал он.— Но сначала ты найдешь Глумову. Ты выяснишь у нее следующее. Виделась ли она с Абалкиным еще раз. Говорил ли Абалкин с ней о ее работе. Если говорил, то что именно его интересовало. Не выражал ли он желания прийти к ней в Музей. Все. Повтори.

— Выяснить у Глумовой, виделась ли она с ним еще раз, говорил ли он с ней о работе, если говорил — то что именно его интересовало, не выражал ли желания посетить Музей.

— Так. Ты предлагал сменить легенду. Не возражаю. КОМКОН разыскивает прогрессора Абалкина для получения от него показаний касательно некоего несчастного случая. Расследование связано с тайной личности и потому проводится негласно. Не возражаю. Вопросы есть?

— Хотел бы я знать, при чем здесь этот Музей... — пробормотал Максим как бы про себя.

— Ты что-то сказал? — осведомился Экселенц.

— Нет. Мне все ясно. Кроме того, что неясно совсем.

— Не отвлекайся... — проворчал Экселенц и вдруг грохнул кулаком по столу и заорал: — Скажи спасибо, мальчишка, что я не рассказываю тебе всего! Уходи!

Максим вскочил и направился к двери.

— Стой, — сказал Экселенц. — Приказ отыскать Абалкина и взять под наблюдение я отменяю. Теперь ты пойдешь по его следам. Сейчас мне важнее всего знать, где он бывает, с кем встречается и о чем говорит. Иди. И прости меня. По крайней мере, постараися.

У себя в кабинете Максим позвонил Майе Глумовой домой. На экране появилась веснушчатая детская физиономия с прозрачными северными глазами, — безусловно Глумов-младший, одиннадцать лет.

— Гм... — произнес Максим. — Здравствуй.

— Здравствуйте. Вы кто?

— Я — мамин знакомый. Можно твою маму?

— А мамы нет, — сказал Глумов-младший и добавил: — Будет поздно, так и сказала.

— Ну извини, — сказал Максим. — Тогда позвоню ей на работу.

Он набрал номер Музея и испытал некоторый шок. С экрана приятно улыбнулся ему Григорий Каммерер, сынишка и чемпион по субаксусу. В течение нескольких секунд Максим наблюдал за последовательной сменой выражений на загорелой Гришиной физиономии. Приятная улыбка. Полная растерянность. Веселое недоумение. Официальная готовность выслушать распоря-

жения. И наконец снова приятная улыбка, правда, слегка уже напянутая.

— Здравствуйте, — сказал Максим. — Попросите, если можно, Майю Тойковну.

— Майя Тойковна... — Гриша огляделся. — Вы знаете, ее нет. По-моему, она сегодня еще не приходила. Передать ей что-нибудь?

— Передайте, что звонил Каммерер, журналист. Она должна меня помнить. А вы что же — новичок? Что-то я вас...

— Да, я тут только со вчерашнего дня... Я, собственно, посторонний, работаю с экспонатами...

— Ага... — сказал Максим. — Ну что ж... Прошу прощения. Я еще позвоню.

Он откинулся на спинку кресла и заложил руки за голову.

...Так-так-так. Экселенц принимает меры. Похоже, что он просто уверен, что Лев Абалкин появится в Музее... Попробуем понять, почему он выбрал именно моего Гришку. Гриша у нас без году неделя. Сообразительный. Хорошая реакция. По образованию экзобиолог. Похоже, именно в этом все дело: молодой экзобиолог начинает свое первое самостоятельное исследование в Музее внеземных культур... Тихо, мирно, изящно, прилично. И кроме того, Гришка — чемпион сектора по субаксусу... При чем здесь Музей? Почему Экселенц допускает, что имперского штабника, натворившего что-то такое в сотне парсеков отсюда, может что-то заинтересовать в этих залах... Когда я сказал ему, что Глумова работает в Музее, он же испугался! Мне удалось напугать Экселенца! У него зрачки были во всю радужку!..

...Тайна личности. Самая сумеречная тайна из всех мыслимых. О ней ничего не должна знать сама личность. Этот Абалкин когда-то что-то натворил, и сам не знает этого, и все обязаны скрывать от него эту его собственную тайну... Ненавижу тайны. Терпеть их не могу. По-моему, все тайны в наше время и на нашей планете отдают какой-то гадостью. Наверное, Экселенц прав, когда орет на меня, чтобы я не совал носа дальше необходимого — ведь меня же и стоят... Наверняка ведь есть люди, которые посвящены в эту тайну полностью, но они, видимо, не годятся для розыска. И есть, наверное, куча людей, которые провели бы этот розыск лучше меня, но Экселенц понимает, что розыск рано или поздно приведет к тайне, и тут важно, чтобы у человека хватило деликатности вовремя остановиться. Поэтому Экселенц и поручил это дело именно мне... Ну что ж, он сделал правильный выбор... Сейчас я позову в коттедж номер шесть и отправлюсь прямиком в Канаду... А Майя Глумова — потом...

Максим посмотрел на часы и набрал номер на видеофоне.

Он снова испытал шок. Он увидел на экране Майю Глумову.

— А, это вы... — проговорила она с отвращением.

Обида и разочарование были на лице ее. Щеки ввалились, под глазами легли тени, но прекрасные волосы ее были тщательно уложены, а поверх строгого серого платья лежало то самое янтарное ожерелье.

— Да, это я... — сказал журналист Каммерер растерянно. — Доброе утро. Я, собственно... Что, Лев у себя?

— Нет, — сказала Майя.

— Я хотел... Дело в том, что он назначил мне свидание...

— Здесь? — живо спросила она. — Когда?

— В десять часов. Я просто хотел на всякий случай узнать...

— А он вам точно назначил? — совсем подтески спросила она. — Как он вам сказал?

— Как он мне сказал? — медленно повторил Максим Каммерер, переставая разыгрывать из себя журналиста. — Вот что, Майя Тойковна. Не будем себя обманывать. Скорее всего, он не придет.

Она смотрела на него, словно не веря своим глазам.

— Как это?.. Откуда вы знаете?

— Ждите меня, — сказал Максим. — Я вам все расскажу. Через несколько минут я буду у вас.

— Что с ним случилось? — пронзительно и страшно крикнула Майя Глумова.

— Он жив и здоров. Не беспокойтесь. Ждите, я сейчас...

Она ждала его в холле коттеджа номер шесть — сидела за низким столом рядом с игрушечным медвежонком, держа на коленях видеофон. Войдя, Максим непроизвольно взглянул на приоткрытую дверь гостиной, и она сейчас же сказала:

— Мы будем разговаривать здесь.

— Как вам будет угодно, — отозвался Максим. Нарочито неторопливо он осмотрел гостиную, кухню и спальню. Везде было чисто прибрано и, конечно, никого там не было. Когда он вернулся в холл, Майя по-прежнему сидела неподвижно, положив руки на видеофон, и смотрела прямо перед собой.

— Кого вы искали? — спросила она холодно.

— Не знаю. Никого. Просто я хотел убедиться, что мы здесь одни. Потому что разговор у нас будет деликатный.

— Кто вы такой? Только не врите больше.

— Я — сотрудник КОМКОНа, — сказал Максим. Она непонимающе подняла брови, и он объяснил: — КОМКОН — это Комитет по контролю исследований. КОМКОН следит за тем, чтобы научные исследования... и все исследования во-

обще... не выходили за рамки юридических и морально-нравственных установлений общества. Понятно? Так вот, сейчас мы ищем Льва Абалкина. Он нужен нам как свидетель. На одной из обитаемых планет — очень далеко отсюда — произошел несчастный случай. Абалкин — единственный человек, который может рассказать нам детали... Все это связано с тайной личности, поэтому мы вынуждены действовать негласно и поэтому я даже не извиняюсь, что врал вам раньше, у меня просто не было ни времени, ни возможности посвящать вас в подробности...

— То есть теперь вы решили больше со мной не церемониться?

— А что прикажете делать?

Она не ответила.

— Вот вы сидите здесь и ждете, — сказал Максим, — а ведь он не придет. Он водит вас за нос. Он всех нас водит за нос, и конца этому не видно...

— Почему вы решили, что он сюда не вернется?

— Потому что он скрывается. Потому что он врет всем, с кем ему приходится разговаривать.

— Зачем же вы сюда тогда звонили?

— А затем, что я никак не могу его найти! Мне приходится ловить любой шанс, даже самый дурацкий!

— Что он сделал? — спросила Майя Глумова.

— Я не знаю, что он сделал. Скорее всего, ничего не сделал. Я же объясняю вам: мы ищем его потому, что он единственный свидетель большого несчастья...

— Почему же он тогда скрывается?

— Мы не знаем. Он, можно сказать, болен. Возможно, ему что-то чудится. Возможно, это какая-то идея-фикс...

— Болен... — сказала Майя и покачала головой. — Может быть. А может быть, и нет... Что вам надо от меня?

— Вы виделись с ним еще раз?

— Нет. Он обещал позвонить, но так и не позвонил.

— Почему же вы ждете его здесь?

— А где мне его еще ждать? — спросила она, и в голосе ее было столько горечи, что Максим отвел глаза и некоторое время молчал.

— А куда он собирался вам звонить? — спросил он наконец. — На работу?

— Наверное... Не знаю. В первый раз он позвонил на работу.

— Он позвонил вам в Музей и сказал, что приедет к вам?

— Нет. Он позвал меня к себе. Сюда.

— Майя Тойковна, — сказал Максим. — Меня интересуют все подробности вашей встречи. Вы рассказывали ему о себе, о своей работе... Он рассказывал о своей... Постарайтесь вспомнить, как все это было.

Она покачала головой.

— Нет. Ни о чем таком мы не разговаривали. Я уже потом сообразила, уже дома, что я так ничего о нем и не узнала. Это действительно странно... Мы столько лет не виделись... А ведь я расспрашивала его: где ты был, что делал... но он отмахивался и кричал, что все это чушь, ерунда, все это обморок души — так он говорил.

— Значит, он расспрашивал вас?

— Да нет же! Все это его не интересовало... Кто я, как я... Одна или у меня кто-нибудь есть... чем я живу... Он был как мальчишка... Я не хочу об этом говорить.

— Майя Тойвовна, не надо говорить о том, о чем вы не хотите говорить...

— Я ни о чем не хочу говорить!

Максим поднялся, сходил на кухню и принес ей воды. Она жадно выпила стакан до дна, проливая воду на свое серое платье.

— Все это никого не касается, — сказала она, возвращая стакан Максиму.

— Не надо говорить о том, что не касается, — сказал Максим. — Просто расскажите, о чем он вас спрашивал.

— Я же говорю вам: он ни о чем не спрашивал! Он рассказывал, вспоминал, рисовал, спорил... как мальчишка... Оказывается, он все помнит! Чуть ли не каждый день от утра и до самой ночи! Где стоял он, где стояла я, что сказал Рекс, как смотрел Вольф... Я ничего не помнила, а он кричал на меня и заставлял вспоминать, и я вспоминала... А как он радовался, когда я вспоминала что-нибудь такое, чего он сам не помнил!..

Она замолчала.

— Это все о детстве? — спросил Максим, подождав.

— Ну конечно! Ведь я же вам говорю, это никого не касается, это только наше с ним!.. Он и правда был как сумасшедший... У меня уже сил не было, я засыпала, а он будил меня и кричал в ухо: а кто тогда свалился с качелей? И если я вспоминала, он хватал меня в охапку, бегал со мной по дому и орал: правильно, все так и было, умница, правильно!

— И он не спрашивал вас, что сейчас с учителем, где школьные друзья?

— Я же вам объясняю: он ни о чем не спрашивал! Можете вы это понять? Он рассказывал, он вспоминал и требовал, чтобы я тоже вспоминала...

— Да, понимаю, понимаю... — сказал Максим. — А что он, по-вашему, намеревался делать дальше?

Она посмотрела на него с презрением.

— Ничего вы не понимаете, — сказала она. Некоторое время они молчали.

Голос Максима:

«...В общем, она права. Я получил ответы на

вопросы Экселенца. Я знаю теперь, что Абалкин НЕ интересовался работой Глумовой, что он НЕ намеревался использовать ее для проникновения в Музей, но я совершенно не понимаю, какую цель он преследовал, устраивая эту ночь воспоминаний. Сентиментальность? Дань детской любви? Возвращение в детство? Не верю. Цель была практическая. Абалкин хорошо ее продумал и достиг, не возбудив у женщины никаких подозрений. Ведь она тоже явно не понимает, что это было на самом деле. Остается еще один вопрос. Неприятный вопрос. Можно склонять по физиономии и вполне заслуженно...»

— Майя Тойвовна, — произнес Максим, глядя в сторону. — Скажите, а чем было вызвано такое ваше отчаяние, которому я был невольным свидетелем в нашу прошлую встречу?

Он спросил и замер, ожидая взрыва. Но взрыва не произошло.

— Я была дура, — сказала Майя Глумова довольно спокойно. — Дура истеричная. Мне почудилось тогда, что он выжал меня как лимон и выбросил за порог... Теперь-то я понимаю: ему и в самом деле не до меня... Я, дура, все требовала от него объяснений, а он ведь не мог мне ничего объяснить. Он же знает, наверное, что вы его разыскиваете...

Максим поднялся.

— Большое спасибо, Майя Тойвовна. Я ухожу. По-моему, вы неправильно поняли наши намерения. Никто не хочет ему вреда, клянусь вам. И если вы встретитесь с ним, постарайтесь, пожалуйста, внушить ему эту мысль.

Она не ответила.

Когда Максим в кабинете Экселенца закончил доклад, Экселенц сказал задумчиво:

— И она там так и сидит... Почему?

— Ждет.

— Разве он ей назначил?

— Насколько я понимаю — нет.

— Бедняга... — проворчал Экселенц. Потом он спросил: — У тебя появились какие-то новые соображения?

— Не знаю... — произнес Максим. — Наверное, нет. Я просто подумал... в его поступках ощущается какая-то логика. Они связаны между собой. Он все время применяет один и тот же прием — ошарашиивает человека каким-то заявлением или вопросом, а потом слушает, что бормочет этот ошарашенный... По-моему, он хочет что-то узнать, что-то о своей жизни... что-то такое, что от него скрыли... Экселенц, он каким-то образом узнал, что с ним связана тайна личности.

Экселенц выслушал его внимательно и некоторое время разглядывал в упор, словно видел перед собой что-то новое и занимательное.

— Такого рода соображения вряд ли помо-

гут тебе в работе,— сказал он, помолчав.— Еще раз советую тебе: не отвлекайся! Что у тебя сейчас на очереди? Посольство голованов? Хорошо. Займись посольством голованов. И возвращайся поскорее. Ты мне нужен здесь.

В Канаде была глубокая ночь. Невидимая река шумела сквозь шуршанье дождя, а прямо перед Максимом мокро отсвечивал легкий металлический мост, над которым светилось большое табло на английском, французском, русском и китайском языках: «Территория народа голованов».

Максим перешел мост и оказался в лесу. Лес был густой, небо было сплошь обложено, и весь этот ночной мир казался Максиму серым, плоским и мутноватым, как старинная фотография.

Когда Максим заметил голована Щекна, тот понял это мгновенно и сразу оказался на тропинке перед ним.

- Я здесь,— объявил он.
- Вижу,— сказал Максим.
- Будем говорить здесь,— сказал Щекн.
- Хорошо,— сказал Максим.

Голован сейчас же сел, совершенно как собака, разговаривающая с хозяином,— крупная толстая большеголовая собака с маленькими треугольными ушами торчком, с большими круглыми глазами под массивным широким лбом. Голос у него был хрипловатый, и говорил он без малейшего акцента, так что только короткие рубленые фразы и несколько преувеличенная четкость артикуляции выдавали в его речи чужака.

- Что тебе нужно? — спросил он прямо.
- Тебе сказали, кто я?
- Да. Ты журналист. Пиши книгу про мой народ.
- Это не совсем так. Я пишу книгу о Льве Абалкине. Ты его знаешь.
- Весь мой народ знает Льва Абалкина.
- Вот как? И что же твой народ думает о Льве Абалкине?
- Мой народ не думает о Льве Абалкине. Он его знает.
- Я хотел спросить: как твой народ относится к Льву Абалкину?
- Он его знает. Каждый. От рождения и до смерти.
- Что ты можешь рассказать мне о Льве Абалкине?

— Ничего,— коротко ответил Щекн. Он поднес переднюю лапу к морде и принял шумно выкусывать между когтями. Не по-собачьи, а так, как это делают иногда наши кошки.

Максим начал с другого конца.

— Я знаю, что Лев Абалкин твой друг,— сказал он.— Вы жили и работали вместе. Очень

многие земляне хотели бы знать, что думает об Абалкине его друг и сотрудник голован.

- Зачем?
- Опыт.
- Бесполезный опыт.
- Бесполезного опыта не бывает,— возразил Максим.

Щекн принял за другую лапу и через несколько секунд проворчал невнятно:

- Задавай конкретные вопросы.

Максим сказал:

— Мне известно, что в последний раз ты работал с Абалкиным пятнадцать лет назад. Приходилось тебе после этого работать с другими землянами?

- Приходилось. Много.

- Ты почувствовал разницу?

Щекн вдруг замер, а затем медленно опустил лапу и поднял лобастую голову. Глаза его на мгновение озарились мрачным светом. Однако и секунды не прошло, как он вновь принял глодать свои когти.

— Трудно сказать,— проворчал он.— Работы разные, люди тоже разные. Трудно.

— Хорошо,— сказал Максим.— Ты с ним встретился. Он снова пригласил тебя работать. Ты согласился?

- Он не приглашал меня работать.

- Тогда о чем же вы говорили?

— О прошлом...— буркнул Щекн.— Никому не интересно.

— Как тебе показалось, он сильно изменился за эти пятнадцать лет?

- Это тоже не интересно.

— Нет. Это тоже интересно. Я тоже видел его недавно и обнаружил, что он сильно изменился. Но я землянин, а мне надо знать твое мнение.

- Мое мнение: да.

— Вот видишь! И в чем же он, по-твоему, изменился?

— Ему больше нет дела до народа голованов.

— Правда? А со мной он только о голованах и говорил!

Глаза Щекна озарились красным.

- Когда это было?

— Позавчера. А почему ты решил, будто ему больше нет дела до народа голованов?

Щекн вдруг объявил:

— Мы теряем время. Не задавай пустых вопросов. Задавай настоящие вопросы!

— Хорошо. Задаю настоящий вопрос. Где он сейчас?

- Не знаю.

- Что он намеревался делать?

- Не знаю.

— Что он тебе говорил? Мне важно каждое его слово.

И тут Щекн принял странную, неестественную даже позу: присел на напруженных ла-

пах, вытянул шею и уставился на Максима снизу вверх. Затем, мерно покачивая тяжеленной головой вправо и влево, он заговорил, отчетливо выговаривая слова:

— Слушай внимательно, понимай правильно и запоминай надолго. Народ землян не вмешивается в дела народа голованов. Народ голованов не вмешивается в дела народа землян. Так было, так есть и так будет. Дело Льва Абалкина есть дело народа землян. Это решено. А потому: не ищи того, чего нет. Народ голованов никогда не даст убежища Льву Абалкину.

У Максима вырвалось:

— Он просил убежища? У вас?

— Я сказал только то, что сказал: народ голованов никогда не даст убежища Льву Абалкину. Больше ничего. Ты понял это?

— Я понял это,— медленно проговорил Максим и продолжил: — Но меня не интересует это. Повторю свой вопрос: что он тебе говорил?

— Я отвечу. Но сначала повтори мне то главное, что я тебе сказал.

— Хорошо, я повторю. Народ голованов не вмешивается в дело Абалкина и отказывает ему в убежище. Так?

— Так. И это — главное.

— Теперь отвечай на мой вопрос.

— Отвечаю. Он спросил меня, есть ли разница между ним и другими людьми, с которыми я работал. Точно такой же вопрос, какой задавал мне ты.

Едва кончив говорить, он повернулся и скользнул в заросли. Ни одна ветка, ни один лист не шевельнулся, а его уже не было. Он исчез.

— Как вам это нравится? — спросил Максим Экселенца.— Ай да Щеки! Помните, что пишет о нем Абалкин? «Я учил его языку и как пользоваться видеофоном. Я не отходил от него, когда он болел своими странными болезнями... Я терпел его дурные манеры, мирился с его бесцеремонностью, прощал ему такие вещи, какие не прощаю никому в мире... Если придется, я буду драться за него, как за землянина, как за самого себя. А он? Не знаю...» Вот теперь и узнал.

Экселенц сказал:

— Ты всерьез допускаешь, что Лев Абалкин мог просить у них убежища?

— Я не знаю, просил ли он убежища, но в убежище ему отказано. Теми самыми существами, ради которых он в свое время был готов на все...

— По-моему, ты его жалеешь,— сказал Экселенц.

Максим наклонился и принялся обирать репью с мокрых штанин.

— Почему бы и нет? — сказал он раздраженно.— Если я вижу, что человек с изуродованной

судьбой мечется, не находя себе места, как отравленный, и сам отравляет всех, с кем встречается... отчаянием, обидой, страхом...

— Я тебе еще раз напоминаю, Мак, — произнес Экселенц.— Он опасен! И он тем более опасен, что сам об этом, видимо, не знает.

— Да кто он такой, черт возьми? — спросил Максим.— Обезумевший робот?

— У робота не может быть тайны личности,— сказал Экселенц.— Не отвлекайся.

Максим засунул репью в карман куртки и сел прямо.

— Сейчас ты можешь идти домой,— сказал Экселенц.— Будь поблизости, в черте города, и жди моего вызова. Возможно, сегодня ночью он попытается проникнуть в Музей. Тогда будем его брать.

— Хорошо,— сказал Максим без всякого энтузиазма.

Экселенц, откровенно оценивая, оглядел его.

— Надеюсь, ты в форме? Будете брать его вдвоем. Я уже слишком стар для таких упражнений.

В 01.08 радиобраслет на запястье Максима пискнул, и приглушенный голос Экселенца проромтотал скороговоркой: «Максим, быстро, Музей, главный вход, жду тебя...»

Максим скатился с крыльца, промчался по ночному пустому бульвару и нырнул в будку нуль-транспортировки. Он выскочил на Площади Звезды и скользнул в тень Музея. Экселенц уже возился у дверей главного входа, орудуя магнитной отмычкой. Дверь распахнулась.

— За мной,— скомандовал Экселенц и нырнул во тьму.

Они неслись огромными неслышными скачками, обтянутые черным, похожие на тени средневековых демонов. Экселенц вел Максима по сложной извилистой кривой из зала в зал среди статуй и макетов, похожих на уродливые механизмы, среди механизмов и аппаратов, похожих на уродливые статуи. Нигде не было света, видимо, автоматика была заранее отключена.

Они остановились, только оказавшись в кабинете-мастерской Майи Тойковны Глумовой. Пустые столы. Стеллажи вдоль стен, установленные инопланетными диковинами. А из кресла, в котором давеча сидел журналист Каммерер, поднялся им навстречу Григорий Каммерер-младший, тоже весь в черном, почти невидимый в темноте.

Экселенц шагнул к стеллажам, согнулся, снатугой вытащил что-то с полки и направился к столу, расположенному прямо перед входом. Слегка откинувшись корпусом назад, он нес в опущенных руках длинный предмет, какой-то плоский бруск с закругленными краями. Осторожно, без малейшего стука он поставил этот

предмет на стол, на мгновение замер, прислушиваясь, а потом вдруг, как фокусник, потянул из нагрудного кармана длиннющую пеструю шаль с бахромой. Ловким движением расправил ее и набросил поверх бруска. Потом повернулся к обоим Каммерерам и едва слышно прошептал:

— Когда он прикоснется к платку — берите его. Если он заметит нас — берите его. Встаньте здесь.

Максим встал по одну сторону двери, Гриша — по другую, а сам Экселенц встал рядом с Гришей — позади и несколько правее. Сначала ничего не было слышно. Даже дыхания троих затаившихся людей. Потом вдруг послышался шум. Шум был, прямо скавать, основательный — где-то в недрах музея обрушилось нечто обширное, металлическое, разваливающееся в падении. Максим с Экселенцем обменялись удивленными взглядами. Звон, лязг и дребезг постепенно прекратились, но теперь стали слышны другие звуки. Много разных звуков. Кто-то явно приближался, нисколько не скрываясь. Он волочил ноги и звучно шаркал подошвами. Он задевал за притолоки и за стены. Один раз он налетел на какую-то мебель и разразился серией невнятных восклицаний с преобладанием шипящих. И вот на стены кабинета из открытой двери упали слабые электрические отблески.

— Это не он, — сказал Максим Экселенцу почти вслух.

Экселенц кивнул. Вид у него был недоумевающий и угрюмый. А потом он вдруг оттянул на себе борт черной куртки и правой рукой принял засовывать за пазуху большой черный револьвер. Увидевши его, Каммерер-старший обмер, потому что понял: Экселенц был готов убить Абалкина. Он был так ошеломлен, что забыл обо всем на свете, а Каммерер-младший, по-прежнему напрягшись, ждал, вперившись в дверной проем.

Тут в мастерскую ворвался толстый столб яркого света, и, зацепившись в последний раз за притолоку, вошел лже-Абалкин.

Вообще-то говоря, он был даже чем-то похож на Льва Абалкина: ладный, крепкий, с длинными черными волосами до плеч. Он был в белом просторном плаще и держал перед собой электрический фонарь. В другой руке у него был большой портфель. Войдя, он остановился, привел лучом по стеллажам и произнес вслух:

— Ну, кажется, это здесь.

Голос у него был скрипучий, а тон — нарочито бодрый. Видимо, он чувствовал себя неловко, а может быть, ему было жутковато.

Теперь было видно, что это, собственно, старый человек. У него были впалые морщинистые щеки, очень высокий морщинистый лоб, длинный острый нос с горбинкой и длинный острый под-

бородок. В общем, он был похож не столько на Льва Абалкина, сколько на Шерлока Холмса.

Бегло огляделвшись, он подошел к столу, поставил свой портфель прямо на цветастый платок, а сам, подсвечивая себе фонариком, принял осматривать стеллажи. При этом он непрерывно бормотал что-то себе под нос:

— Ну, это всем известно... бур-бур-бур... Обыкновенный иллюзиям... бур-бур-бур... Предметы невыясняенного назначения, ха! Хлам и хлам... бур-бур-бур... Может быть, и не на месте... Засунули куда-нибудь, запихали, запрятали... бур-бур-бур...

Экселенц следил за всеми этими манипуляциями, заложивши руки за спину, и на лице его было выражение безнадежной усталости или даже усталой скуки.

Когда стариик добрался до самой дальней секции, Экселенц тяжело вздохнул и сказал брезгливо:

— Ну что вы там ищете, Бромберг? Детонации?

Стариик Бромберг тоненько взвизгнул и шарахнулся в сторону, повалив стул.

— Кто здесь? — завопил он фальцетом, лихорадочно шаря лучом вокруг себя. — Кто это?

— Да я это, я, — отозвался Экселенц еще более брюзгливо. Он подошел к столу и уселся на край рядом с портфелем. — Перестаньте вы трястись...

— Кто вы? Какого дьявола! — луч уперся в Экселенца. — А-а! Сикорский! Ну, я так и знал!

— Уберите фонарь, — приказал Экселенц, заслоняя лицо ладонью.

— Я так и знал, что это ваши штучки! — вопил старикан Бромберг. — Я сразу понял, кто стоит за всем этим бездарным спектаклем!

— Уберите фонарь, не то я его расколочу! — гаркнул Экселенц.

— Попрошу на меня не орать! — взвизгнул Бромберг, но луч отвел. — И не смейте присаживаться к моему портфелю!

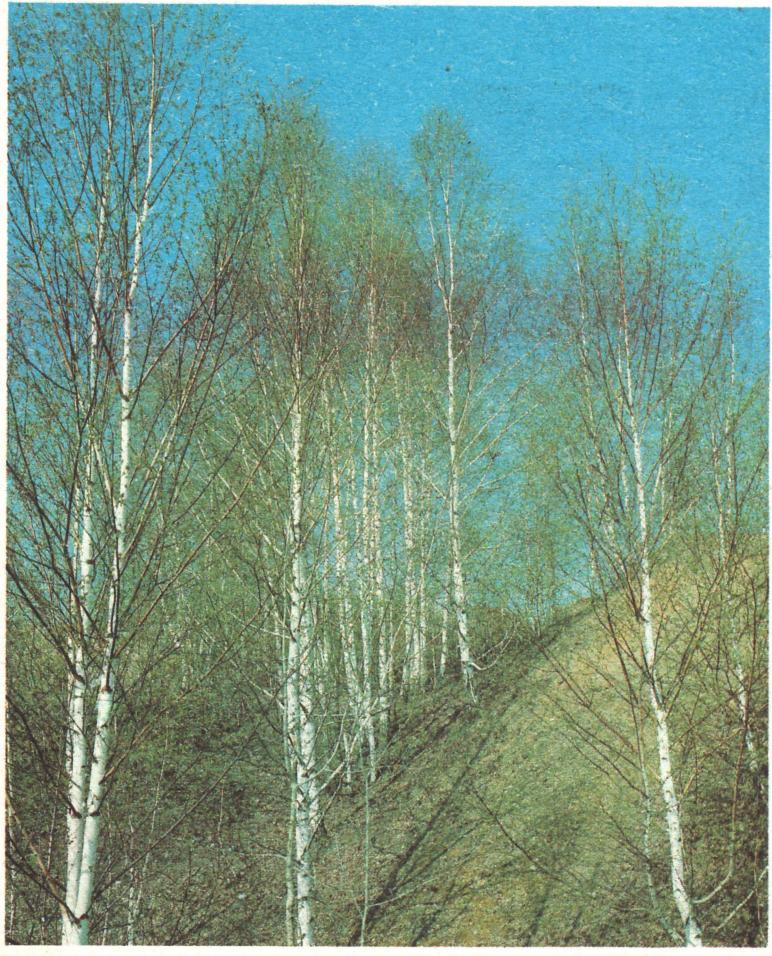
Экселенц встал и пошел на него.

— Не смейте ко мне подходить! — завопил Бромберг. — Я вам не мальчишка! Стыдитесь! Ведь вы же стариик!

Экселенц подошел к нему, легко отобрал фонарь и поставил на ближайший столик рефлектором вверх.

— Присядем, Бромберг, — сказал он. — Надо поговорить.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

УРАЛЬСКИЙ

Следующий

5'89

СЦЕНАРИЙ
ТРЕХСЕРИЙНОГО
ФИЛЬМА

ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ

— Эти мне ваши разговоры... — пробурчал Бромберг и усился.

Поразительно, но он уже совершенно успокоился. Бодренький крепенький стариочек. Пожалуй, даже веселый.

— Давайте попробуем говорить спокойно, — предложил Экселенц.

— Попробуем, попробуем! — бодро отозвался Бромберг. — А что это за молодые люди подпирают стены у дверей? Вы обзавелись телохранителями?

Экселенц сказал:

— Это Максим Каммерер и Григорий Каммерер. Сотрудники КОМКОНа. А это — доктор Айзек Бромберг, историк науки.

Оба Каммерера кивнули, а Бромберг немедленно объявил:

— Я так и знал. Разумеется, вы побоялись, что один на юдин со мной не справитесь, Сикорский... Садитесь, садитесь, молодые люди, устраивайтесь поудобнее.

— Сядьте, Максим, — сказал Экселенц.

Максим сел в знакомое кресло для посетителей, а Гриша остался стоять у двери.

— Так я жду ваших объяснений, Сикорский, — произнес Бромберг. — Что означает эта засада?

— Я вижу, вы сильно перепугались.

— Вздор! — мгновенно воспламенился Бромберг. — Чушь какая! Слава богу, я не из пугливых...

— Но вы так ужасно завопили и повалили так много мебели...

— Ну, знаете ли, если у вас над ухом в абсолютно пустом здании, ночью...

— Абсолютно незачем ходить в абсолютно пустые здания по ночам...

— Во-первых, это абсолютно не ваше дело, Сикорский, когда и куда я хожу! А во-вторых, когда еще вы мне прикажете ходить? Днем меня непускают. Третий день в Музее идут какие-то подозрительные ремонты, какие-то таинственные смены экспозиций... Музей закрыт! Для кого? Для меня! Члена ученого совета этого Музея! Я сразу понял, чьи уши торчат из-за кулис! И теперь я спрашиваю: зачем это вам понадобилось, Сикорский? Какой срам! Закрытие Музея!

Дурацкиеочные засады! Кто, черт побери, выключил здесь все электричество?..

Голос его сорвался, и он мучительно заперхал, стуча себя обоими кулаками по груди.

— Я получу когда-нибудь ответы на свои вопросы? — яростно просипел он сквозь перханье.

Экселенц тоже осатанел.

— Я хотел бы знать, Бромберг, — сдавленным голосом произнес он, — зачем вам понадобились детонаторы.

— Ах, вы хотели бы это знать! А я хотел бы знать, каким образом вы оказались в Музее ночью, Сикорский! Как вы проникли в этот Музей, а? Отвечайте!

— Это не относится к делу, Бромберг!

— Вы — взломщик, Сикорский! — объявил Бромберг. — Вы докатились до взлома!

— Это вы докатились до взлома, Бромберг! — взревел Экселенц. — Вы! Вам было совершенно ясно и недвусмысленно сказано: доступ в Музей прекращен!

— Я член совета Музея! Вот мой ключ! Мне полагается ключ от служебного входа, и я воспользовался им, чтобы прийти сюда...

— Посреди глухой ночи и вопреки прямому запрету дирекции Музея?

— Посреди глухой ночи, но все-таки с ключом! А где ваш ключ, Сикорский? Или у вас магнитная отмычка? Покажите мне, пожалуйста, ваш ключ, Сикорский!

— У меня нет ключа! Он мне не нужен! Я нахожусь здесь по ДОЛГУ, а не потому, что мне попала вожжа под хвост! Старый вы, истеричный дурак!

И тут их, видимо, обоих схватило. Они замолчали. Перестали сверлить друг друга огненными взорами, разом полезли в карманы, извлекли свои капсулы, один выкатил на ладонь два белых шарика, другой — три. Потом шарики были отправлены под язык, а Бромберг, отдуваясь, вытащил старомодный носовой платок и принялся обтирать лицо и шею.

— Айзек, — сказал Экселенц и причмокнул, — что вы будете делать, когда я умру?

— Сплюшу каччу, — сказал Бромберг мрачно. — Не говорите глупостей.

— Айзек, — сказал Экселенц, — зачем вам

все-таки понадобились детонаторы?.. Подождите, не начинайте все с начала. Дело в том, что именно в эту ночь за ними должен был прийти совсем другой человек. Если это просто невероятное совпадение, то так и скажите, и мы расстанемся. У меня голова разболелась...

— А кто это должен был за ними прийти? — подозрительно спросил Бромберг.

— Лев Абалкин, — сказал Экселенц утомленно.

— Кто это такой?

— Вы не знаете Льва Абалкина?

— В первый раз слышу.

— Верю, — сказал Экселенц.

— Еще бы! — сказал Бромберг высокомерно.

— Вам я верю, — сказал Экселенц. — Но я не верю в совпадения... Слушайте, Айзек, неужели это так трудно — просто, без кривляний рассказать, почему вы именно сегодня пришли за детонаторами...

— Мне не нравится слово «кривлянья».

— Я беру его назад, — сказал Экселенц.

Бромберг снова принял утираясь.

— Пожалуйста, — объявил он. — Вы прекрасно знаете, Рудольф, что в отличие от вас я ненавижу все и всяческие секреты. Это вы сами поставили меня в положение, когда я вынужден кривляться и ломать комедию. А между тем все очень просто. Сегодня утром ко мне явился некто... Вам обязательно нужно имя?

— Нет.

— Некий молодой человек. О чем мы с ним говорили — несущественно, я полагаю. Разговор носил достаточно личный характер. Но во время разговора я заметил у него вот здесь... — Бромберг ткнул пальцем в сгиб локтя правой руки, — довольно странное родимое пятно. Я даже вообразил сначала, что это татуировка... Вы знаете, Рудольф, татуировки — это мое хобби... Но молодой человек сказал: нет, это родимое пятно. Больше всего оно было похоже на букву «Ж» в кириллице или, скажем, на японский иероглиф «сандзю». Вам это ничего не напоминает, Рудольф?

— Напоминает, — сказал Экселенц.

— Вот как? Вы что — сразу сообразили? — спросил Бромберг с завистью.

— Да, — сказал Экселенц.

— М-м-м... А вот я — не сразу. Молодой человек уже давно ушел, а я все сидел и вспоминал, где я мог видеть такой значок... В точности такой, понимаете? В конце концов вспомнил. Надо было проверить, а под рукой — ни одной репродукции. Я бросаюсь в Музей — Музей закрыт...

— Максим, — сказал Экселенц, — будьте добры, дайте нам сюда эту штуку, которая под шалью. Только осторожно, пожалуйста.

Максим повиновался: Он поставил тяжелый бруск перед Экселенцем. Экселенц придинул

(78) его поближе к себе и попытался приподнять крышку, но пальцы у него скользили, и крышка не поднималась.

— Дайте-ка мне, — нетерпеливо сказал Бромберг.

Он оттолкнул Экселенца, взялся за крышку обеими руками, поднял ее и положил в сторону.

Внутри открылся ряд из тринадцати аккуратных круглых гнезд (сантиметров по семи в диаметре). В одиннадцати из них помещались круглые серые блямбы, украшенные коричневатыми, слегка расплывшимися иероглифами. Два гнезда были пусты, и видно было, что дно их выстлано белесоватым ворсом, похожим на плесень, и ворсинки эти заметно шевелились, словно живые.

Расплывшаяся стилизованный буква «Ж» была на третьем слева «детонаторе», и Экселенц, подвесив над ним свой длинный указательный палец, произнес:

— Он?

— Да, да! — нетерпеливо отозвался Бромберг, отпихивая его руку. — Не мешайте! Вы ничего не понимаете...

Он вцепился ногтями в края «детонатора» и осторожно принял как бы вывинчивать его из гнезда, приговаривая:

— Здесь совсем не в этом дело... Неужели вы воображаете, будто я был способен перепутать... Чушь какая...

Он вытянул «детонатор» из гнезда и стал медленно поднимать его над футляром все выше и выше. За серым толстеньkim диском тянулись белесоватые нити, утончались, лопались одна за другую, и когда лопнула последняя, Бромберг перевернул «детонатор» нижней поверхностью вверх, и там, среди шевелящихся полупрозрачных ворсинок, стал виден тот же значок, только черный, маленький и очень отчетливый, словно его вычеканили в сером материале.

— Да! — сказал Бромберг торжествующе. — В точности такой. Я так и знал, что не могу ошибиться.

— В чем именно? — спросил Экселенц.

— Размер, детали, пропорции... Вы понимаете, родимое пятно у него не просто похоже на этот значок — оно в точности такое же!.. — Бромберг пристально посмотрел на Экселенца. — Слушайте, Рудольф, услуга за услугу. Вы что — вы их всех пометили?

— Нет, конечно.

— Значит, у них это было с самого начала? — спросил Бромберг, постукивая себя пальцем по сгибу руки.

— Нет. Они появились позже... Скажите, Айзек, а о чем вы с ним все-таки разговаривали?

— О чем я с ним разговаривал... — повторил Бромберг, осторожно ввинчивая «детонатор» на место. — Вообще-то это вас совершенно не касается, Сикорский... Он пришел ко мне, лично ко мне как к крупнейшему знатоку запрещенной

науки. Он искал родителей, которые при таинственных обстоятельствах сгинули у него сорок лет назад во время какого-то засекреченного эксперимента. Если бы он пришел к вам, Сикорский, вы бы, разумеется, не сказали бы ему ни слова, хотя вы-то наверняка знаете, что случилось с этими людьми... А я... Что ж, мне пришлось достать мою картотеку, и мы вместе просмотрели и обсудили все закрытые эксперименты того периода. Там была операция «Зеркало», проект «Сумасшедший Голем»... что там еще... история саркофага-инкубатора, история операции «Тень»...

— Он был примерно вашего роста, бледный, с длинными черными волосами,— сказал Экселенц.

— Да. Его зовут Александр Дымок.

— Его зовут Лев Абалкин,— сказал Экселенц мрачно.— Большое вам спасибо, Айзек. Значит, теперь он знает об истории с саркофагом-инкубатором...

— А почему бы ему об этом и не знать? — агрессивно вскинулся Бромберг.

— Действительно...— медленно проговорил Экселенц, поднимаясь.— Почему бы ему об этом не знать?

У себя в кабинете Экселенц прежде всего сварил две чашки кофе и принялся рассказывать. Время от времени он выбрасывал на стол перед Максимом фотографии, а иногда включал видеопроектор.

— ...Эта история началась сорок лет назад. На безымянной планетке отряд следопытов совершил случайно обнаружил на глубине тридцати метров в базальтовой толще обширное помещение. В помещении располагалось необычайно сложное биологическое устройство, которое сначала называли саркофагом. Очень скоро выяснилось, однако, что на самом деле это грандиозный эмбриональный сейф совершенно фантастической конструкции. Тогда его стали называть инкубатором. Инкубатор содержал триадцать оплодотворенных яйцеклеток вида хомо сапиенс. Возраст этого саркофага-инкубатора был определен немедленно: пятьдесят пять тысяч лет. Пятьдесят пять тысяч лет назад какая-то сверхцивилизация, обогнавшая нас на тысячи веков, зачем-то заложила эту эмбриологическую мину с неизвестными и абсолютно непонятными целями... чтобы нам веселее было жить... Мы знаем только об одной сверхцивилизации в нашей Галактике, хотя в глаза ее никогда не видели: это известные тебе Странники. Ты веришь в Странников?

— Разумеется,— сказал Максим.— Только при чем здесь — «веришь»? Они наверняка существовали и, может быть, существуют и сейчас...

— Так вот, пятьдесят пять тысяч лет назад

они оставили этот самый саркофаг. Мы нашли его случайно, а значит, скорее всего, не вовремя. Видимо, следопыты, сами того не желая, включили какой-то механизм: через двое суток яйцеклетки начали делиться.

...Собрался Мировой Совет. Было высказано множество остроумнейших гипотез. Я встал за ту из них, которая не была самой остроумной и даже самой правдоподобной, я встал за ту, которая требовала от всех нас максимальной ответственности. Я представил себе самое опасное, что можно ожидать. Странники заложили в эти яйцеклетки некую генетическую программу. Приходит время, и мы натыкаемся на саркофаг-инкубатор. Включается механизм деления. На свет появляются триадцать человек, которые ничем не отличаются от нас с тобой. Но в нужный момент включается программа! И они начинают делать то, ради чего организована вся эта затея. Что именно — мы не знаем. С какой целью — не знаем и даже, наверное, представить себе не можем...

...Я потребовал у Мирового Совета. Первое. Все работы, хоть как-то связанные с этой историей, должны быть засекречены. Сведения о них не подлежат разглашению ни при каких обстоятельствах. Основание: хорошо всем известный закон о тайне личности. Второе. Ни один из «подкидышей» не должен знать обстоятельство своего появления на свет. Основание: тот же закон. Третье. «Подкидыши» должны быть сразу же после рождения разъединены, и в дальнейшем должны быть приняты меры, чтобы они не встречались друг с другом и ничего друг о друге не знали. Четвертое. В дальнейшем они должны получить внеземные специальности. Сами обстоятельства их жизни естественным образом должны затруднять им посещения Земли даже на короткие сроки... Я преследовал только одну цель: когда включится программа, всем этим «подкидышам» должно быть как можно труднее. Пусть он не понимает, что с ним происходит. Пусть у него не будет соратников, с которыми он мог бы посоветоваться и объединиться. Пусть он будет при этом далеко от Земли. И пусть ему будет нелегко попасть на Землю. Мне повезло. На мою сторону встали не только те, кто разделял мои опасения,— таких было меньшинство, но и те, кто опасались за психику «подкидышей». Они считали, что осознание такого необычайного своего происхождения способно нанести человеку психическую травму... Как показал дальнейший опыт, они были тоже правы. Как раз в то время, когда мы с тобой кружились на Саракше, дураки-психологи в порядке эксперимента рассказали одному из «подкидышей» всю правду о его происхождении. Сначала все было хорошо, а на сто тридцатый день он погиб у себя на Горгоне. Скорее всего, покончил с собой. Видимо, это не просто — сознавать, что ты, землянин до

мозга костей, никогда ничего не любивший кроме Земли, несешь в себе, может быть, какую-то страшную угрозу для человечества...

...Первые десять лет все было хорошо. К этим мальчишкам и девчонкам были прикреплены самые лучшие врачи и самые лучшие педагоги. Ребяташики росли самые обыкновенные. В чем-то они были получше, а в чем-то похуже других детей. Потом у них стали появляться эти значки. На сгибе локтя. Припухлость, синяк, а через неделю — родимое пятно странной формы. Я сначала не обратил на это внимания. Потом умные люди принесли и показали мне фотоснимок «детонаторов»...

...Это сейчас мы называем их «детонаторами», а тогда это называлось «элемент жизнеобеспечения пятнадцать дробь а». В недрах саркофага-инкубатора было найдено много удивительных и непонятных вещей, в том числе и этот ящик с тринадцатью гнездами. Тринадцать замысловатых иероглифов. Тринадцать сгибов детских локтей. По значку на локоть. Причем совпадение абсолютное. Вот тогда и было произнесено слово «детонаторы». Мы еще ничего не понимали и не знали тогда, но это выскоцило в нашем сознании одновременно: тринадцать загорелых исцарапанных бомб лазают по деревьям и плещутся в речках в разных концах земного шара, а здесь тринадцать детонаторов к ним тихо ждут своего часа...

...Это была, конечно, минута слабости. Ниоткуда не следовало, что диски со значками — это детонаторы к бомбам, возбудители скрытой программы. Просто, когда дело касалось «подкидышей», мы все уже привыкли предполагать самое худшее... Даже сама связь между «детонаторами» и «подкидышами» была поначалу только гипотезой. Потом эта гипотеза подтвердилась...

...«Детонаторами» занялись вплотную. Их обследовали, как умели. И ничего интересного не обнаружили до тех пор пока не было решено разрушить один из них. «Детонатор» номер двенадцать, значок «М»-готическое, был разрушен и не восстановился. А спустя два дня в Северных Андах попала под горный обвал группа молодых туристов. Двадцать семь юношей и девушек во главе с инструктором. Многие получили ушибы и ранения, но все остались живы. Кроме Эдны Ласко. Она была «подкидышем». На локте у нее был значок «М»-готическое. Эксперименты над «детонаторами» были сейчас же прекращены. Но через два года, как я тебе уже говорил, покончил с собой на Горгоне этот несчастный, которому открыли тайну его личности. Он погиб, а через две недели совершенно случайно было обнаружено, что соответствующий «детонатор», хранившийся, как и остальные, в Музее, исчез начисто, не оставив по себе даже пыли...

...Теперь ты понимаешь, каково мне было,

когда ты доложил, что Майя Глумова работает в Музее, да еще в том самом секторе, где хранится футляр с «детонаторами»...

Уже светало, когда Экселенц кончил рассказывать. Замолчав, он грузно поднялся, не глядя на Максима, и пошел снова заваривать кофе.

— Можешь спрашивать, — проворчал он.

«...Теперь с этой тайной на плечах мнеходить до конца жизни, — думал Максим. — Теперь я принимаю на себя еще одну ответственность, о которой не просил и в которой, ей-богу, не нуждался. Теперь я обязан знать хотя бы то, что уже понятно до меня, а желательно — еще больше. А значит, по уши увязнуть в этой тайне, отвратительной, как все тайны, и даже, наверное, еще более отвратительной... Спасибо тебе, Экселенц, что до последнего момента ты старался удержать меня на самом краю этой тайны, и будь ты неладен, что все-таки не сумел и не удержал...»

— У тебя нет вопросов? — осведомился Экселенц.

Максим спохватился.

— То есть вы полагаете, что программа заботала, и он убил Тристана Гутенфельда?

— Мне больше нечего полагать. — Экселенц аккуратно разлил кофе и усился на место. — Тристан был его наблюдающим врачом. Регулярно раз в месяц они встречались где-то в джунглях, и Тристан проводил профилактический осмотр. Якобы в порядке рутинного контроля за психикой прогрессора, а на самом деле — для того, чтобы убедиться: Абалкин пока остается человеком. На всем Саракше один Тристан знал, что Абалкину запрещено появляться на Земле. Во всем мире один Тристан знал номер моего спецканала. Это спецканал для связи лично с ним... И вот в день, назначенный для осмотра, он гибнет. А Лев Абалкин бежит на Землю, Лев Абалкин скрывается, Лев Абалкин звонит мне по спецканалу Тристана... — Он залпом выпил свой кофе и помолчал, жуя губами. — По-моему, ты не понял самого главного, Мак. Мы теперь имеем дело не с Абалкиным, а со Странниками. Льва Абалкина больше нет. Забудь о нем. На нас идет автомат Странников! — Он снова помолчал. — Я вообще не представляю, какая сила способна была заставить Тристана назвать мой номер кому бы то ни было, а тем более — Льву Абалкину. Ведь его пытали, Тристана...

— Абалкин пытал Тристана?

Экселенц пожал плечами.

— Программа пытала Тристана, — сказал он. — Абалкина больше нет.

— И вы полагаете, что сейчас программа гонит его на поиски «детонатора»?

— Мне больше нечего предполагать.

— Но ведь он ничего не знает о «детонаторах»!.. Или это Тристан ему рассказал?

— Тристан ничего не знал о «детонаторах». И Абалкин ничего не знает. Знает программа!

— Подождите,— сказал Максим.— А как же остальные... одиннадцать, десять, сколько их там?

— Все в пределах нормы пока. Но ведь и значки появились у них не одновременно. Абалкин был самым первым. И у него у первого включилась программа. И слава богу, это дает нам хоть какой-то шанс. Мы можем сейчас следить за ним и теперь будем знать, как это с ними происходит... хоть немного сумеем подготовиться...

Максим сильно потер ладонями лицо.

— Экселенц,— сказал он.— Вы только поймите меня правильно, прошу вас. У меня нет сейчас цели смягчить, сгладить, приуменьшить... Но ведь вы не видели его. И вы не видели людей, с которыми он общался... Я все понимаю: гибель Тристана, бегство, звонок по вашему спецканалу, скрывается, выходит на Глумову с «детонаторами»... Этакая безупречная логическая цепочка. Но, Экселенц, это ведь только логика! Вы избрали гипотезу о программе, и получается вот такая логика! Возьмите другую гипотезу, и появится какая-то другая логика, которая все эти факты отлично объяснит...

— Например?

— Я не могу сейчас ничего придумать. Если вы прикажете, я придумаю. Уверен в этом. Я другое хочу сказать. Обратите внимание: встречается с Глумовой — и ни слова о Музее, только детские воспоминания и любовь. Встречается с учителем — и только обида, будто бы учитель испортил ему жизнь... Разговаривает со мной — обида, будто я украл у него приоритет... Кстати, в рамках вашей логики, зачем ему вообще было встречаться с учителем? Со мной — еще туда-сюда: хотел проверить, кто его выслеживает. А учитель здесь при чем? Теперь Щекн — дурацкая просьба об убежище... Это уже вообще ни в какие ворота не лезет!

— Лезет, Мак. Все лезет. Все так, как я и ожидал. Ты пойми: программа программой, а сознание сознанием. Он сам не понимает, что с ним происходит. Странники — не люди, и поэтому программа требует от него нечеловеческого. У него нет понятий для этого, ни слов, ни даже образов, поэтому он мечется, поэтому он совершает странные, нелепые поступки... Для этого и нужна была тайна личности, у нас есть теперь хоть какой-то запас времени. Представь себе, что он шел бы прямо к цели. Ни черта бы мы не успели его остановить, все было бы кончено еще третьего дня... А насчет Щекна ты не понял ни черта. Никакой просьбы об убежище там не было. Просто голованы не люди, они почуяли, что он больше не человек, и демонстрируют нам свою лояльность... Я вижу, ты сомневаешься.

— Я видел его, Экселенц. Я видел учителя, и я видел Глумову. Он мечется. Да, он совер-

шает странные поступки. Да. Только нелепого в этих поступках ничего нет. Есть какая-то цель, которой я не понимаю. И «детонаторы» здесь ни при чем... Поймите, Экселенц, он жалок, он несчастен. Я не вижу в нем ничего опасного... Можно еще кофе?

Экселенц поднялся и пошел заваривать новую порцию.

— Сомневаешься...— сказал он, стоя к Максиму спиной.— Счастливчик. Я бы и сам сомневался, если бы мог себе это позволить. Ты меня знаешь, Мак, я старый рационалист, я понавидался всякого, и я всегда шел от разума, и разум никогда не подводил меня. Мне отвратительны все эти фантастические кунштуки, все эти таинственные программы, составленные кем-то там пятьдесят пять тысяч лет назад... которые, видите ли, включаются и выключаются по непонятному принципу! Все эти мистические внепространственные связи между живыми душами и дурацкими кругляшками, запрятанными в футляр... Меня с души воротит от всего этого!

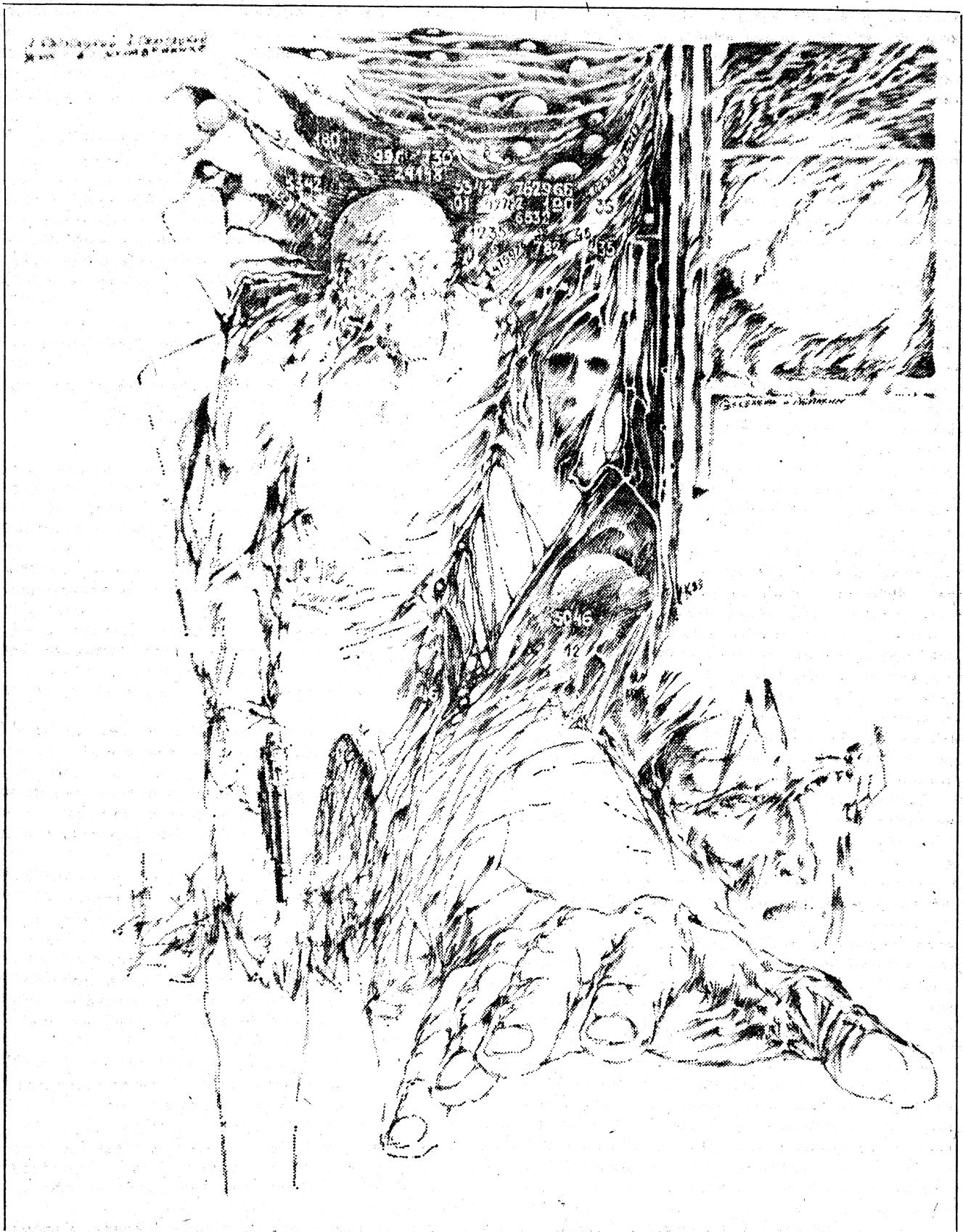
Он принес кофе и разлил по чашкам.

— Если бы мы с тобой были обычными учеными,— продолжал он,— и просто занимались бы изучением некоего явления природы, с каким наслаждением я объявил бы все это цепью идиотских случайностей! Случайно погиб Тристан — что ж, не он первый, не он последний. Подруга детства Абалкина случайно оказалась хранительницей «детонаторов». Сам он совершенно случайно набрал номер моего спецканала, хотя собирался звонить кому-то другому... Клянусь тебе, самое маловероятное сцепление маловероятных совпаденийказалось бы мне все-таки гораздо более правдоподобным, чем идиотское, бездарное предположение о какэй-то там вельзевуловой программе, которую заложили в человеческий зародыш... Но в том-то и дело, что мы с тобой не ученыe. Ученый может ошибаться, каждая его ошибка — это, в конце концов, его личное дело. А мы ошибаться не должны. Нам все простят: невежество, мистицизм, суеверную глупость... одного нам не простят — если мы недооценили опасность. Если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто не имеем права пускаться в рассуждения о молекулярных флюктуациях — мы обязаны предположить, что где-то рядом обявился черт с рожами, и принять соответствующие меры... вплоть до организации производства святой воды. И если окажется, что это была всего лишь флюктуация, и если над нами будет хохотать весь Мировой Совет и все школьники впридачу — слава богу, мы сделали все, что могли...

Он с раздражением отодвинул от себя чашку.

— Не могу я пить этот кофе, и есть я не могу уже четвертый день подряд...

— Экселенц,— сказал Максим.— Ну что вы в самом деле... Ну почему обязательно черт с

рогами... В конце концов, что плохого мы можем сказать о Странниках? Мы же ничего про них не знаем совсем. Все-таки это сверхцивилизация... Это стало уже общим местом: сверхцивилизация может нести только добро.

— Сверхцивилизация может нести также еще и сверхдобро! А я не знаю, что это такое. И откровенно говоря, знать не хочу.

— Ну ладно,— сказал Максим.— Дело даже не в этом. Пусть даже вы правы: программа, детонаторы, черт с рогами... Ну что он нам может сделать, в конце концов? Ведь он же один!

— Мальчик,— произнес Экселенц почти нежно.— Ты думаешь над этим едва полчаса, а я ломаю голову вот уже сорок лет. И не только я, люди поумнее меня. И мы ничего не придумали, понимаешь? Не придумали ничего такого, на что можно было бы опереться. И никогда ничего не придумаем, потому что самые умные и опытные из нас — это всего-навсего люди. Не сверхлюди, а просто люди... Мы не знаем, чего они хотят. Мы не знаем, что они могут. И никогда не знаем. Единственная надежда наша, что мы будем обязательно совершать шаги, которых они не предусмотрели. Даже они не могли предсмотреть все. Этого никто не может. Наверняка они предполагали, что мы найдем саркофаг веков этак через пять, а мы нашли его сейчас... Может быть, через пять веков человечество вообще утратит представление о зле и никому в голову уже не придет... не пришло бы... тьфу... в голову не придет принимать меры против «подкидышей»... Правда, с другой стороны мы эти меры приняли, но, может быть, этого и не надо было делать?.. Или вот мы решили сейчас не допускать взбесившегося Абалкина к детонаторам. А может быть, именно этого они от нас и ждут?

Он положил лысый череп на ладони и замотал головой.

— Мы все устали, Мак,— проговорил он.— Как мы все устали! Мы уже больше не можем думать на эту тему. От усталости мы становимся беспечными. Большинство Комиссии верит уже в гипотезу «жук в муравейнике». Ах, как хочется верить в это! Представляешь, какие-то умные дяди из чисто научного любопытства сунули в муравейник жука и с огромным прилежанием регистрируют нюансы муравьиной психологии... А муравьи-то перепуганы, а муравьи-то суетятся, жизнь готовы отдать за родимую кучу... и невдомек им, беднягам, что жук слезет, в конце концов, с муравейника да и побредет своей дорогой, не причинивши никому никакого вреда... Представляешь, Мак? Никакого вреда! Не суетитесь, муравьи, все будет хорошо... А если это не жук в муравейнике? А если это хорек в курятнике? Ты знаешь, что это такое, Максим,— хорек в курятнике?..

И тут он взорвался. Он грохнул кулаком по

столу и заорал, уставясь на Максима бешеными зелеными глазами:

— Мерзавцы! Сорок лет они у меня вычеркнули из жизни! Сорок лет они делают из меня муравья! Я ни о чем другом не могу думать, я сделался трусом, я шараюсь от собственной тени, я не верю собственной бездарной башке... Ну что ты вытаращился на меня? Через сорок лет ты будешь такой же, а может быть, и гораздо скорее, потому что события пойдут вскачь! Они пойдут так, как мы, старище, и не подозревали, и мы всем гуртом уйдем в отставку, потому что нам с этим не справиться. И тогда все это навалится на вас! Да только вам с этим тоже будет не справиться, потому что вы...

Он замолчал. Он уже смотрел не на Максима, а мимо него. И он медленно поднимался из-за стола. Максим обернулся.

На пороге, в проеме распахнутой двери, стоял Лев Абалкин.

— Лева! — произнес Экселенц изумленно-расторганным тоном.— Боже мой, дружище! А мы тут с ног сбились, вас разыскивая!

Лев Абалкин сделал неуловимое движение и вдруг сразу оказался возле стола.

— Вы — Рудольф Сикорский, начальник КОМКОНа,— произнес он тихим, удивительно бесцветным голосом.

— Так оно и есть,— отозвался Экселенц, радушно улыбаясь.— А почему столь официально? Садитесь, Лева.

— Я буду говорить стоя,— сказал Лев Абалкин.

— Бросьте, Лева, что за церемонии? Садитесь, прошу вас. Ведь нам предстоит долгий разговор, не правда ли?

— Нет, неправда,— сказал Абалкин. На Максима он даже не глянул.— У нас не будет долгого разговора. Я не хочу с вами разговаривать.

Экселенц нахмурился.

— Как это — не хотите? — спросил он.— Вы, дорогой, на службе, вы обязаны отчетом. Мы до сих пор не знаем, что случилось с Тристаном... Как это — не хотите?

— Я один из тринадцати? — спросил Абалкин.

— Черт бы побрал этого дурака Бромберга... — проговорил Экселенц с досадой.— Да, Лева. К сожалению, это так. Вы один из тринадцати.

— Мне запрещено находиться на Земле? И всю жизнь я должен оставаться под надзором?

— Да, Лева. Это так. К сожалению.

Абалкин вполне владел собой. Лицо его было совершенно неподвижно, и глаза были полузакрыты, словно он дремал стоя. Чувствовалось однако, что человек находится на последнем градусе бешенства.

— Так вот, я пришел сюда сказать,— произ-

нес он все тем же тихим бесцветным голосом,— что вы поступили со мной и всеми нами глупо и гнусно. Вы исковеркали мою жизнь, и в результате ничего не добились. Я — на Земле и больше никогда Землю не покину. Прошу вас иметь это в виду. Прошу иметь в виду также, что и надзора вашего я больше не потерплю и буду избавляться от него без всякой пощады.

— Как вы избавились от Тристана? — небрежно спросил Экселенц.

Абалкин, казалось, не слыхал этой реплики.

— Вы предупреждены,— сказал он.— Я вас предупредил, и теперь пеняйте на себя. Я намерен теперь жить по-своему, и прошу больше не вмешиваться в мою жизнь.

— Хорошо. Мы не будем вмешиваться. Но скажите мне, Лев, разве вам не нравилась ваша работа?

— Теперь я сам буду выбирать себе работу.

— Очень хорошо. Великолепно. А в свободное от работы время пораскиньте, пожалуйста, мозгами. Попробуйте представить себя на нашем месте. Как бы вы поступили с «подкидышами»?

Что-то вроде усмешки промелькнуло на лице Абалкина.

— Здесь нет материала для размышлений,— сказал он.— Здесь все очевидно. Надо было с самого начала рассказать мне всю правду, сделать меня своим сознательным союзником...

— А вы бы через пару месяцев покончили с собой? Как это случилось с Томасом Нильсоном... Это ведь страшно, Лева, ощущать себя угрозой для человечества, это не всякий выдержит...

— Чепуха. Это все выдумки ваших психологов. Я — землянин. Когда я узнал, что мне за-прещено жить на Земле, вот когда я чуть не спятил! Только разумным роботам запрещено быть на Земле. И вот я мотался, как сумасшедший, по всему миру, искал доказательства, что я не робот, что у меня на самом деле было детство, что я на самом деле когда-то работал с голованами, что моя память — это моя память, настоящая, а не искусственная. Вы боялисьвести меня с ума? Ну, так это вам почти удалось!

— А кто сказал, что вам запрещено жить на Земле?

— А что — это неправда? — осведомился Абалкин.— Может быть, мне разрешено жить на Земле?

— Теперь — не знаю... Наверное, да. Но посудите сами, Лева! На всем Саракше только один Тристан Гутенфельд знал, что вам не следует возвращаться на Землю. Но сказать это вам — он не мог... Или все-таки сказал?

Абалкин молчал. Лицо его по-прежнему оставалось неподвижным, но на матово-бледных щеках проступили серые пятна. Словно следы старых лишаев.

— Ну, хорошо,— сказал, подождав, Экселенц.

Он демонстративно разглядывал свои ногти.— Пусть Тристан вам это все-таки рассказал. Не понимаю, как он мог себе это позволить, но — пусть. Тогда почему он не рассказал вам остального? Почему не объяснил причин запрета? Ведь были же причины — и весьма существенные, что бы вы об этом ни думали...

Медленная судорога прошла по серому лицу Абалкина, оно вдруг потеряло твердость и словно бы обвисло.

— Я не хочу об этом говорить,— громко и хрипло произнес он.

— Очень жаль,— сказал Экселенц.— Нам это очень важно.

— А мне важно только одно,— сказал Абалкин.— Чтобы вы оставили меня в покое.

Лицо его сделалось, как прежде, твердым. Глаза вновь полузакрылись, он снова сделался спокоен.

Экселенц заговорил — теперь уже совсем другим тоном:

— Лева. Разумеется, мы оставим вас в покое. Но я умоляю вас: если вы вдруг почувствуете в себе что-то непривычное... непривычное ощущение какое-нибудь... какие-нибудь странные мысли... просто больным вдруг себя почувствуете... Умоляю вас, сообщите об этом. Ну, пусть не мне, Горбовскому, Комову, Бромбергу, в конце концов...

Тогда Абалкин повернулся к нему спиной и пошел к двери. Экселенц почти кричал ему вслед, протягивая руку:

— Только сразу же! Сразу! Пока вы еще землянин! Пока вы не превратились в автомат! Пусть я виноват перед вами, но Земля-то перед вами не виновата ни в чем!..

— Сообщу, сообщу,— пренебрежительно сказал Абалкин через плечо.— Лично вам сообщу.

Он вышел, аккуратно притворив за собой дверь.

Несколько секунд Экселенц молчал, вцепившись руками в подлокотники кресла. Он напряженно прислушивался. Потом скомандовал вполголоса:

— За ним. Ни в коем случае не упускать. Я буду в Музее.

Выходя из здания КОМКОНа, Лев Абалкин праздной походкой проследовал по улице Красных Кленов, зашел в кабину уличного видеофона и с кем-то переговорил. Разговор длился две минуты с небольшим, после чего Абалкин, все так же неторопливо, заложив руки за спину, свернулся на бульвар и устроился там на скамейке возле постамента с барельефом Строгова.

Он очень внимательно прочитал все, что было высечено на постаменте, потом рассеянно огляделся и некоторое время сидел в позе человека, отдыхающего от тяжелой работы: раскинул руки

поверх спинки скамьи, откинулся голову и вытянул ¹⁸⁵ ноги на середину аллеи скрещенные ноги.

К нему собрались белки, одна прыгнула на плечо и ткнулась мордочкой ему в ухо. Он громко рассмеялся, взял ее в ладони и, подобрав ноги, посадил на колено. Белка так и осталась сидеть. Кажется, он разговаривал с нею.

Солнце только что взошло, улицы были почти пусты, а на бульваре, кроме Абалкина, не было ни души.

Максим наблюдал за ним из укрытия.

«...Вряд ли он не знает, что я за ним наблюдаю,— думал Максим.— Знает, конечно. Прогрессор новой школы. Профессионал... Ладно, с ним я разберусь. Экселенц — вот кто меня беспокоит по-настоящему. Не понимаю. Он убежден, что программа работает. Что разговаривать с Абалкиным бессмысленно. И он все-таки разговаривает с ним. И он отпускает Абалкина. Вместо того чтобы взять его прямо в кабинете и отдать в распоряжение врачей и психологов, он его отпускает... Над Землей нависла угроза. Чтобы ее предотвратить, пока достаточно просто изолировать Абалкина. Это можно сделать самыми элементарными средствами. Но он отпускает Абалкина, а сам идет в Музей. Это может означать только одно: он совершенно уверен, что Абалкин в ближайшее время тоже явится в Музей. Зачем? За «детонаторами». Зачем же еще...

...Казалось бы, чего проще — сунуть эти «детонаторы» в списанный звездолет и загнать в подпространство до окончания времен. И — нет проблем. Нельзя. Уничтожать «детонаторы» нельзя — все эти бедняги погибнут. Неизвестно даже, можно ли их загонять на край Вселенной, не говоря уже о подпространстве...

Экселенц сказал: «мы можем проследить за ним и узнать, как это с ними происходит»... На будущее. Когда включится программа следующего, мы уже будем готовы... Значит, получается так. Абалкин является в Музей. А там его уже ждут. Мой Гришка и Экселенц...

...Экселенц его убьет. Господи помилуй! Он сидит здесь и играет с белочками, а через час Экселенц его убьет! Это же просто, как репа. Экселенц никогда не обнажает оружие, чтобы напугать или произвести впечатление, он уже готов был убить Абалкина этой ночью, и сейчас он сидит там в засаде только с одной целью: чтобы досмотреть это кино до конца, чтобы своими глазами увидеть, как все это происходит, как автомат Странников отыскивает дорогу, как он обнаруживает футляр — глазами? по запаху? шестым чувством? — как он открывает этот футляр, как выбирает свой «детонатор», что он на-меревается делать с детонатором... и все. И ни секунды больше. В эту секунду Экселенц нажмет спусковой крючок, потому что дальше рисковать ^{Альта-89»}

он не станет... Ну нет. Этого я не допущу. Этого не будет. Хватит».

Максим вышел из укрытия и направился прямо к Абалкину. Когда он подошел, Абалкинглянул на него искоса и отвернулся. Максим присел рядом на скамью.

— Лева,— сказал он.— Уезжайте отсюда. Сейчас же.

— По-моему, я просил оставить меня в покое,— сказал Абалкин прежним тихим и бесцветным голосом.

— Вас не оставят в покое. Дело зашло слишком далеко. Вы для них больше не Лева Абалкин. Они считают, что Левы Абалкина больше нет. Вы для нас — автомат Странников.

— А вы для меня — банда ополоумевших от страха идиотов.

— Не спорю,— сказал Максим.— Но именно поэтому вам надо удирать отсюда как можно дальше и как можно быстрее. Отправляйтесь на Пандору, Лева. Поживите там несколько месяцев, докажите им, что никакой программы внутри вас нет.

— А зачем? — произнес он.— Чего это ради я должен кому-то что-то доказывать? Тем более — ополоумевшим идиотам... Это, знаете ли, унизительно.

— Лева,— сказал Максим.— Представьте себе, что вы встретили компанию перепуганных детишек. Неужели вы посчитали бы унизительным покрываться перед ними и повалять дурака, чтобы их успокоить?

Абалкин впервые поглядел Максиму прямо в глаза.

— Зря стараетесь,— сказал он.— Я не позволю больше загнать меня на край Вселенной. Прекратите свою болтовню и оставьте меня в покое. Мне пора.

Он осторожно отогнал белок и поднялся. Максим тоже поднялся.

— Лева,— сказал он с отчаянием.— Вас убьют.

— Ну, это не так просто сделать,— небрежно отозвался Абалкин и пошел вдоль аллеи.

Максим пошел рядом с ним. Он все время говорил. Нес какую-то чушь...

— Вы не имеете права обижаться,— говорил он убедительно.— То есть имеете, конечно, я понимаю, они испортили вам жизнь... Но ведь и их тоже надо понять, они сорок лет живут как на иголках, они не знают, чего можно ожидать... Глупо же, глупо! Рисковать жизнью из одной только гордости... Вы сейчас жизнью рискуете, поймите вы наконец...

Абалкин только улыбался в ответ. Поведение Максима, видимо, забавляло его. Они дошли до конца аллеи и свернули на Сиреневую улицу. Вдали была уже видна площадь Звезды и громада Музея. Абалкин безусловно шел в Музей. Продолжая болтать, Максим спокойно и хлад-

окровно размышлял: «...Людей много вон на улицах... Впрочем, ничего страшного. Просто моему другу Льву Абалкину стало дурно, с каждым может такое случиться, надо только побыстрее доставить пострадавшего к ближайшему врачу... Я доставлю его на наш ракетодром, это недалеко, он даже не успеет очухаться. Там всегда наготове два-три дежурных звездолета. Я вызову туда Глумову, мы погрузимся втроем и высадимся на зеленой Ружене в моем старом лагере. По дороге я им все объясню. Провались она в тартарары — тайна личности Льва Абалкина, уж кто-кто, а Майя Глумова имеет право знать обо всем... Так. Вон у обочины свободный гладиер. Подходит. Как раз то, что нужно...»

И в этот момент Лев Абалкин отключил его.

Когда Максим очухался, он был словно на дне колодца, на него сверху вниз встреможенно глядели незнакомые лица, кто-то предлагал пощесниться и дать ему больше воздуха, кто-то заботливо подсовывал к самому носу ободряющую ампулу, а рассудительный голос вещал в том смысле, что никаких оснований для тревоги нет — человеку просто стало дурно, с каждым может случиться...

Максим сел. Его поддерживали за плечи.

— Сидите, сидите, пожалуйста, вам просто стало дурно...

— Очнулся, значит, все в порядке...

— Не беспокойтесь, сейчас будет врач, ваш друг уже побежал за врачом...

Максим поднялся и принялся проталкиваться сквозь толпу сочувствующих. Ноги плохо слушались его. Он заставил себя побежать. Музей был совсем близко. Максим бежал. Все было, как в повторном сне. Он бежал из зала в залу, лавируя между стенами и витринами, как шесть часов назад, — среди статуй, похожих на бесмысленные механизмы, среди механизмов, похожих на уродливые статуи, только теперь все вокруг было залито ярким светом, и он был один, и ноги под ним подкашивались, и он повторял про себя: «Опоздал... Опоздал... Опоздал...»

Треснул выстрел. Максим споткнулся на ровном месте. «Все. Конец». Он побежал из последних сил. Треснули один за другим еще два выстрела. Максим ворвался в мастерскую Майи Глумовой и остановился на пороге.

Лев Абалкин лежал посередине мастерской на спине.

Экселенц, огромный, сгорбленный, с револьвером в отставленной руке, мелкими шажками осторожно приближался к нему.

А с другой стороны, придерживаясь за край стола обеими руками, к Абалкину приближалась Глумова.

А в дальнем углу комнаты из обломков какой-то разрушенной мебели поднимался Григорий Каммерер-младший, и лицо его было залито кровью.

Лицо Глумовой было неподвижно, глаза страшно и неестественно скошены к переносице. Шафранная лысина Экселенца была покрыта крупными каплями пота. И стояла тишина.

Лев Абалкин был еще жив. Пальцы его правой руки бессильно и упрямо скребли по полу, словно пытались дотянуться до валяющегося в сантиметре от них серого диска со значком в виде стилизованной буквы «Ж».

Максим шагнул к Абалкину и опустился возле него на корточки.

— Прочь! — предостерегающе гаркнул Экселенц.

Абалкин стеклянными глазами смотрел в потолок. Максим потрогал его за плечо. Окровавленные губы Абалкина шевельнулись, и он проговорил:

— Стояли звери... около двери...

— Лева, — позвал Максим.

— Стояли звери около двери... — повторил Абалкин настойчиво. — Стояли звери...

И тогда Майя Тойловна Глумова закричала. И серый диск со знаком «Ж» рассыпался в прах и исчез.

Спустя годы и годы Максим Каммерер сидел в кабинете Экселенца за столом Экселенца и в кресле Экселенца. Перед ним лежала раскрытая папка, и он снова перебирал фотографии: Лев Абалкин в детстве, Лев Абалкин — курсант, Лев Абалкин — имперский офицер... Были там и фотографии Майи Глумовой, и старого учителя, и даже голограмма Щекна.

«...Двадцать пять лет прошло с тех пор, — думал Максим. — Четверть века. Мы так ничего и не сумели понять. Мы так и не узнали, что произошло с Тристаном Гутенфельдом. Мы так и не разгадали тайну «детонаторов». Оставшиеся десять «подкидышей» благополучно здравствуют и работают, по-прежнему ничего не зная ни друг о друге, ни о тайне своего происхождения. Несмотря на мои настойчивые требования, Мировой Совет так и не решился раскрыть их тайну и предать гласности историю Льва Абалкина... Тем более что мы так и не знаем до сих пор, что же это было: проявление загадочной и страшной программы или роковая цепь случайностей, порожденная страхом, подозрениями и тайной...»

Рис. Андрея Карапетяна